

СЕРГЕЙ АЛЕКСЕЕВ

КАРАГАЧ.

ОЧАРОВАТЕЛЬНАЯ

БЛУДНИЦА

Карагач

Сергей Алексеев

**Карагач. Очаровательная
блудница**

«Алексеев Сергей»

2010

Алексеев С. Т.

Карагач. Очаровательная блудница / С. Т. Алексеев — «Алексеев Сергей», 2010 — (Карагач)

Когда в поисково-разведочном лагере, затерянном в дебрях Южной Сибири, появилась практикантка Женя Семенова, геолог Станислав Рассохин даже не предполагал, насколько встреча с этой молодой женщиной изменит всю его жизнь, смешав сон и быль. Тридцать лет спустя звонок дочери Семеновой, Лизы, пробуждает в его душе то, что Рассохин тщетно стремился забыть все эти годы. И Станислав возвращается на затерянный в сибирской тайге Карагач, чтобы разобраться в прошлом и в себе. Ведь Лиза уверена: ее мать, очаровательная блудница, которую Рассохин убил собственными руками, жива...

© Алексеев С. Т., 2010

© Алексеев Сергей, 2010

Содержание

1	5
2	16
3	28
4	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Алексеев

Карагач. Очаровательная блудница

1

Ледоход на Карагаче обычно начинался поздно, в конце апреля, и все из-за частых заломов¹, в межень² перегораживающих реку высокими плотинами. Поэтому речные участки измерялись и часто назывались по большим заламам – Широкий, Кривой, Гиблый, а между ними еще мелких несколько. Берега были в основном песчаными либо из лёссовидных суглинков; каждую весну в реку валилось десятки тысяч деревьев, с корнями и кронами, и все набивалось в узком месте, превращалось в плотину высотой с трехэтажный дом. Половодьем же дикий этот вал леса поднимало, подпирало льдом, иногда намертво запруживая русло, и тогда разлив на некоторое время выплескивался из берегов, подтапливая даже чернолесье³ и высокую боровую пойму. Залом при этом трещал, сосны, ели и кедры в два обхвата ломались, как спички. Иногда напор льда и воды создавался такой, что поток устремлялся через пойму к высокому материковому берегу и за одну весну промывал новое русло. Эти места назывались прорвами, и потому по Карагачу часто встречались названия мест и урочищ – Красная Прорва, Зажирная Прорва, Гнилая Прорва...

Но иногда происходило зрелище, потрясающее воображение. Сотнями лет свергаемые в реку огромные деревья, выморенные, накрепко сбитые и перевитые, словно фашина, превращенные в пластичный деревянный хлам, перегораживающий реку, не выдерживал и рушился в одночасье. Могучая, наштапованная древесиной и льдом волна неслась по реке, сметая березовые леса, малые заломы и заваливая чистые пойменные луговины топляком, карчами⁴, перетертыми сучьями и прочим мусором. Осенью можно было ходить босиком по траве-отаве, любоваться пейзажами со стожками, выплывающими из утреннего тумана, удить рыбу в многочисленных озерах, а весной, когда схлынет половодье, – попросту не узнать места и ноги себе сломать, карабкаясь по нагромождениям преющего, стремительно разлагающегося на воздухе дерева. Лес большей частью укладывался в пойменные старицы⁵ и озера, и сколько же там разводилось рыбных хищников – окуней и щучья!

Такие захламленные поймы здесь назывались тюпами или сорами⁶. Через три-четыре года они становились вовсе непроходимыми, ибо много раз перемытый суглинок удобрялся гнилой древесиной, становился особенно плодородным, быстро и густо зарастал – в основном красноталом, крушиной, волчьей ягодой и, как ни странно, хмелем, который сплетал кустарники снизу и доверху. Получались самые настоящие джунгли, с таким плотным листовым покровом, что у земли было темно даже в солнечные дни, под ногами не росла трава, чавкала грязь от непрсыхающих осадков, а от обилия гнуса нечем было дышать. Только загнанный лось мог уйти в сору, в иное время крупные звери обходили их стороной, хотя там было полно

---

¹ Залом – скопление сплавляемых россыпью бревен или дров, вызванное остановкой их движения; затор (*здесь и далее – примеч. ред.*).

² Межень – ежегодно повторяющееся сезонное стояние низких (меженных) уровней воды в реках. В умеренных и высоких широтах различают летнюю и зимнюю межень.

³ Чернолесье – лиственный лес.

⁴ Карча – суковатый пень, ветвистый обломок, целое дерево с корнями, подмытое и снесенное водою; замоина, замытое в песке под водою дерево, опасное для рыболовов и для судов.

⁵ Старица – полностью или частично отделившийся от реки участок её прежнего русла.

⁶ Соры – мелководные, часто соленые озера с топким дном в Казахстане, на юге Западной Сибири, а также в поймах крупных рек; мелководные заливы озер.

заманчивого корма. И если ушел, то уже с концами. Зато здесь в обилии селились грызуны и мелкий пушной зверек, особенно известный карагачский горностай, в котором некогда щеголяло пол-Европы монархов.

Это не просто Сибирь, это Южная Сибирь...

В одной из таких сор на Карагаче, еще в семидесятых, заблудился и погиб начальник отряда Репнин, после чего ее стали так и называть – Репнинская Сора. А залез в эту ловушку из страсти: пошел искать старицу, бывшую здесь прежде и легко доступную, намеревался шук половить на спиннинг. В Карагаче водилась ценнейшая рыба – нельма, которой в основном и питалось местное, и не только, население. Щука за рыбу не считалась, и ею обычно кормили собак, поросят и клеточных норок, которых разводили в коопзверопромхозе. Но среди геологов ловля этой рыбы была спортом, проводились чемпионаты, рисовались таблицы, делались серьезные ставки, совместимые с зарплатой за полевой сезон, и чемпионы торжественно награждались переходящей блесной Овчинникова, первого начальника Карагачской партии. Это была самоделка весом около полукилограмма, из самоварной меди, с шестью самоковыми якорями, с вертлюгом из нержавейки, и все это позолочено кустарным, но качественным образом, да еще проба поставлена – пока в руки не возьмешь, кажется золотая. Рыбу на нее не ловили, да и не было здесь такой, чтоб смогла заглотить эту снасть; сам Овчинников когда-то работал на Нижней Тунгуске и сделал ее, чтоб добывать стокилограммовых и более таймелей. Репнин уже владел золотой блесной, но осенью, перед ледоставом, утратил чемпионский титул, всю зиму страдал от этого и, едва схлынул паводок и Карагач вошел в русло, отправился на заветную щучью курью. Не быть, не жить ему было – вернуть блесну...

Искали его целый месяц, прорубаясь сквозь завалы и чащи, тараня их гусеницами вездеходов. Кое-как нашли старицу, сплошь забитую гниющими корягами, но оказалось, отыскать тут человека – что найти пресловутую иголку в стогу сена. Погрызенные мелким зверьком кости обнаружили только глубокой осенью, когда опала листва, да и то случайно и с вертолета, – черные вороны указали...

Несмотря ни на что, Рассохину то время казалось самым счастливым, удачливым и одновременно роковым и зловещим, как сам Карагач. И все равно его тянуло на эту реку, как убийца тянет к месту преступления, и это были не только ностальгические чувства. После смерти жены он так часто и много думал о тех трех годах жизни и так много вспомнил деталей, что начал видеть во сне безымянную тогда речку, впадающую в Карагач. Снился всего один эпизод из того прекрасного и грозного далека: бульдозера делают вскрышу россыпи, а они с отроковицей Женей Семеновой загорают на отвале.

Во время вскрыши пробного участка месторождения из-под бульдозерной лопаты выкатилась бочка, когда-то засмоленная, но от времени и сырости погнившая. Когда ее вскрыли, там оказались старинные книги, меднолитые складни, кресты – в общем, музейные вещи, кем-то закопанный клад. Причем Женя сказала тогда, что этот клад мистический, а все мистическое непременно отразится на всей жизни, во что Рассохин не очень-то и поверил.

Но спустя тридцать лет, когда блудная отроковица впервые ему приснилась, Станислав Иванович растолковал это сначала как некий роковой знак, присланный из прошлого. И в то же время испытал острейший приступ тоски по былому, который случается у одиноких мужчин в зрелом, хоть и без седины в бороде, возрасте.

Два года назад у него умерла жена, а перед тем долго болела – беззаботный романтический период, маршрутное прошлое обернулись раздутыми варикозными венами, закупоркой сосудов в ногах, изношенными, воспаленными от ночевки на сырой земле, под дождем и снегом суставами. По этой же причине и детей у них не было. Несмотря на привязанность друг к другу и четверть века совместной жизни, после ее смерти Рассохин сначала ощутил облегчение, ибо каждый день взирать на мучения жены становилось невыносимо.

Одиночество и страх перед грядущим он испытал позже, и если от прежних семейных горестей можно было отвлечься наукой или охотой, то от этого чувства ничто не спасало. Он пробовал бегать трусцой, записался в бассейн и даже качался в тренажерном зале, однако все равно приходилось возвращаться домой, где было пусто и тихо до звона в ушах. На родине в Тверской области у него был давний, еще школьный приятель, который работал охотоведом и принимал Рассохина как родственника, но болтаться с ружьем по лесам оказалось вообще невыносимо, поскольку на природе думалось и вспоминалось еще больше. А потом эти леса после Карагача и Якутии казались недоразумением – идешь вроде бы по еловой глухомани, а слева где-то петухи поют, справа коровы мычат или пацан на велосипеде вдруг выскочит – в школу поехал...

Примерно месяц ему хватило попутаться во Всемирной паутине, недели две ушло на пьянку в одиночку и десять дней зимних каникул – на зарубежное путешествие.

А потом опять четыре стены, закладывающая уши тишина и скрипучий старый паркет под ногами. И в добавок ко всему – жгущая душу болезненная память, которую некому теперь было утешить. Все окружающие считали, что он так глубоко и трагично переживает смерть жены, сочувствовали, старались отвлечь, развлечь, но он уходил в круговую оборону и сильнее замыкался в себе, чувствуя, что это ни к чему доброму не приведет. Однажды Стас как-то очень спокойно подумал не о самоубийстве, а о том, как лучше это сделать, и остановился на охотничьем ружье. Наутро он вспомнил ночные размышления и от греха подальше выбросил ключи от железного шкафа с оружием в Москву-реку, дабы исключить этот маршрут минуты слабости и заставить себя жить.

Бурнашев советовал ему проверенное шоковое средство – жениться. Сам он это делал несколько раз, всю жизнь платил алименты и твердил, что моногамия ведет к вырождению, что человек относится к существам всеядным, а они парами живут по принуждению обычая или закона, и что на свете больше несчастных женщин, чем счастливых мужчин. Рассохин жениться не отказывался, и молодых одиноких женщин в окружении было достаточно, по крайней мере на факультете, однако как только он начинал смотреть на них как на потенциальных невест, а они на него как на жениха, желание в тот час же пропадало. Слишком уж все было по расчету, а он, воспитанный своим романтическим временем семидесятых, на которые пришлась юность, ждал чего-то эдакого, чтоб увидел – и сердце екнуло.

Бурнашев понимать его отказывался.

– Ты, конечно, Стас, здорово сохранился, – выговаривал он, – но должен помнить: тебе за полтинник перевалило, Ромео хренов! И шансы твои тают с каждым годом, потому что не олигарх. И это несмотря на свой козырный вид. Пока ты ковыряешься, успел бы детей нарожать!

Женю Семенову он никогда не забывал, но память эта была болезненной, запретной, неприкасаемой, как могила с сибирской язвой, раскопав которую, можно было заразиться спустя и сто лет. Образ шальной блудницы заметно стерся, покрылся пылью времени, и вовсе исчез из памяти этот эпизод с кержацким кладом. Сон подтолкнул к воспоминанию подробностей, и тогда всплыла эта бочка книг, причем так неожиданно и ярко, что он ощутил запоздалое прикосновение к мистическому.

Несколько дней Рассохин ходил очарованным и растерянным одновременно, чего еще никогда не испытывал, и как раз в таком состоянии к нему и пришла мысль съездить в Сибирь. Но даже самому себе он не хотел называть истинной причины, зачем, хотя она, эта тайная, гнетущая причина и была сейчас двигателем его жизни. Стас рассчитывал добраться до Усть-Карагача, нанять там моторку и по большой весенней воде подняться до Сухого Залома, где, по его сведениям, оставались еще две семьи промысловых охотников. Он намеревался до листвы, до летнего буйства зелени, сравнимой разве что с половодьем, с высокого уровня воды хотя бы на глазок отыскать памятные места и, если будет возможность, сходить на сосновые гривы между ленточных болот и поискать там потаенное жилище Христофора, кержака из толка пого-

рельцев. Когда река войдет в русло, дальше зарослей по пойменным берегам ничего не увидишь, вряд ли места узнаешь, поскольку на этой реке обстановка меняется очень быстро, а продираться почти наугад сквозь соры, даже с помощью навигатора, занятие опасное, бестолковое и бессмысленное. Сибирские старообрядцы никогда возле самой реки не селились, а выбирали высокие места подальше от берега, на террасах либо вовсе на сосновых гривах и в кедровых урманах среди болот.

Кроме этого, ему хотелось посмотреть на половодье Карагача, вспомнить ту, еще не замутненную молодость, когда он с геолого-поисковым отрядом три весны подряд поднимался вверх на водометном катере, объезжая заломы по затопленной пойме, а потом все лето спускался вниз на пластмассовых обласах.

Кажется, у Рассохина начинался некий новый период возвращения к прошлому, и однажды, перебирая старые материалы еще к кандидатской диссертации, он наткнулся на вырезку из газеты, наверняка сделанную им самим, но когда и зачем, напрочь вылетело из памяти: в короткой заметке сообщалось, что пилоты вертолета лесоохраны, пролетая над долиной Карагача, заметили странный предмет, торчащий из берегового обрыва. Сначала подумали – гроб, потом рассмотрели, что он имеет круглое сечение, и приземлились. Оказалось, что это колода – долбленая домовина, в которых старoverы хоронили усопших. Разочарованные летчики открывать ее не стали, но поскольку домовина вот-вот должна была сорваться в реку, решили по-человечески перезахоронить останки. Подняли их на берег, отнесли подальше в лес и принялись было копать могилу, но тут командиру экипажа показалось, что прах кержака, схороненного, поди, лет пятьдесят назад, слишком тяжел и вся домовина зачем-то была осмолена, как лодка, и крышка на смолу же посажена и деревянными гвоздями прибита. Взял он топорик и скovyрнул ее, а там вместо костей оказались совершенно целые и сухие старинные книги, десятка три меднолитых икон, ладанок, подсвечников и три золотые лампадки в виде птиц.

Пилоты погрузили находку в вертолет, доставили в город и сдали в областной музей – это обстоятельство указывало на еще советские нравы и воспитание. Вертолетчиков поблагодарили и объяснили, что даже при беглом осмотре клад представляет большую ценность, ибо среди четырех десятков книг оказался пергаментный свиток длиной около двух метров с текстом на древнегреческом языке, несколько рукописных книг шестнадцатого и семнадцатого веков, две редких, Федоровской печати, и берестяные дневники старообрядцев, которые они вели в начале двадцатого века.

А дальше вообще началась мистика: в этот же день вечером Рассохину позвонила женщина из Питера и назвалась дочерью Евгении Семеновой, Елизаветой. В первый миг он даже не сообразил, кто такая Евгения Семенова, поскольку помнил отроковицу и мысленно называл до сих пор Женей, и когда сообразил, то еще некоторое время вспоминал, была ли у нее дочь.

– Это правда, вы последний, кто видел мою маму? – спросила она. – Когда работали на реке Карагач? Она была там на преддипломной практике.

– Получается, я последний, – признался Рассохин, шалея от понимания того, кто это звонит. – Неужели вы дочь Жени Семеновой?

– Да, я дочь...

– Та самая Лиза, что отняла веточку у ежихи?

– Та самая... Это мама рассказала про ветку?

– Все одно к одному! Невероятно...

– Это вы о чем?

– Мысли вслух...

– Хотела бы с вами поговорить, – голосом, не терпящим противления, заявила Елизавета. – Если удобно, я приеду на выходные.

Он согласился только потому, что не знал еще, как ко всему этому относиться, и положился на волю обстоятельств. Тем паче был еще только вторник, и оставалось время все обдумать и сопоставить. Первое, что приходило в голову, – опять же мистические сочетания возрастов: Елизавете наверняка сейчас тридцать пять, и ровно столько же было Жене, когда они загорали на отвале вскрыши пробного участка...

И только положив трубку, он ощутил толчок в грудь, как от ударной волны, и сразу же зазвенело в ушах. Звонок Елизаветы всколыхнул в сознании то, что он все последние тридцать лет жизни стремился забыть и уже почти забыл, по крайней мере редко и мимолетно касался запретного плода своей памяти. Перед глазами явственно встала картина, совершенно не поблекшая за эти годы, и даже наоборот, будто высветленная временем: он больной, почти безумный, с винтовкой в руках, а напротив – полуобнаженная блудная отроковица. Потом выстрел в упор, Женю откидывает к валежине, и она, уже мертвая, все еще улыбается, потому что мгновение назад над ним смеялась.

В тот миг ему было совсем не жаль ее, и кроме чувства мести он не ощущал никаких иных, и лишь несколько позже пришел страх и раскаяние.

Картина эта осталась в сознании настолько детальной и яркой, что Стас искренне верил в ее реальность. И только благодаря нескольким сеансам гипноза, но более жене, дару ее убеждения и увещания этот бредовый случай постепенно облекся в пленку и стал жить в нем, как невынутый осколок у фронтовика.

Сон о Жене Семеновой и звонок ее дочери соединились, словно две ядерные массы, и началось горение, мгновенно спалившее защитную пленку. Рассохин трезво и даже с удовлетворением понял, что наконец-то настал час ответственности за прошлое.

Хотя бы перед дочерью блудной отроковицы...

Рассохин уже не тряс головой, избавляясь от наваждения, не отплевывался, не убеждал себя словами покойной жены, что все это привиделось ему в бреду, что тело практикантки искали, но не нашли признаков и фактов, указывающих на убийство. Пуля прошла навывлет и должна была застрять в валежине, так ее топорами распустили на щепки, но даже следа от нее не осталось. Мох и грунт возле валежины сняли, провели экспертизу – все обнаружили: птичий помет, дохлых муравьев, споры грибов, только кровь на этом месте никогда не проливалась...

Стаса уже переполняли чувства, с которыми оставаться один на один становилось опасно. А поделиться можно было лишь с Кириллом Бурнашевым, который хоть и не был на Карагаче и занимался нефтяной геологией, точнее, геофизическими исследованиями скважин, был далек от всяческой мистики и прочей дури, но зато все схватывал на лету, давал хорошие советы и делал неожиданные выводы. Они были абсолютно разными людьми, хотя дружили всю жизнь, начиная с абитуры, учились на разных факультетах, однако пять лет жили в одной комнате общаги. После института разъехались, не виделись четверть века, изредка переписывались, но когда Рассохин вернулся из Якутии в Москву и пришел в свой институт, Бурнашев был уже там, преподавал то, чем занимался всю жизнь. Сразу же доложил, что защитил докторскую и теперь трудится без особого напряжения, в свое удовольствие, поскольку остепененных практиков в учебных заведениях хоть и жаловали, но выше преподавательской должности не пускали. Похвастался, что недавно женился в четвертый раз, и жену зовут Сашенька (это чтобы не перепутал, предыдущая была София), сейчас они ждут дочку, а все другие дети уже выросли, старший сын, еще от аспирантурного брака, закончил его родной факультет, остальные учатся кто где.

В общем, жизнь у Кирилла продолжала искриться и сверкать, хотя он облысел, поседел, и от того, что был весел по натуре и часто смеялся, покрылся столь глубокими морщинами, что казалось, теперь все время улыбается. Этим своим видом он все время вводил в смущение и заблуждение студентов, особенно первокурсниц на экзаменах. Видимо, за это он и получил прозвище Сатир, о котором знал и которым даже гордился. Однако, как все бабники, стра-

дал, что теряет прежний лоск, прикрывал длинной прядью зияющую красным плешину и красил остатки волос. А у Рассохина после тяжелой болезни и операции что-то случилось с организмом, и он после тридцати вообще перестал стареть, поэтому всю жизнь оставался Стасом – отчество не приклеивалось с возрастом, – носил прежнюю, еще студенческую, рыжеватую бороду, никак за собой не ухаживал, чем вызывал лютую зависть у Бурнашева, вечно пахнущего дезодорантами и туалетной водой.

От старшего брата осталась большая трехкомнатная квартира на Таганке, куда они с женой и переехали из Якутии. Всю жизнь работали, где платили длинный рубль, однако вернулись без гроша в кармане, поэтому Рассохин работу начал искать с родного института, где Кирилл уже пустил глубокие корни, освоился, получил прозвище и даже женился на своей студентке. Он похлопотал за Стаса, чтоб взяли на преподавательскую должность, за его жену, чтоб положили в нормальную клинику и с его реальным появлением жизнь в столице как-то наладилась.

Пока Стас шел к Бурнашеву, был уверен, сможет рассказать о смерти Жени Семеновой, однако раскрыл рот и вдруг ощутил некий спазм в горле, своеобразный предохранительный клапан, не позволяющий выносить сор из собственной головы. А позыв к исповеди не проходил, и потому, опуская подробности, Рассохин поведал Кириллу про то, как они с Женей загорали на отвале, про книги, затаренные в бочку, про колоду, найденную вертолетчиками. В общем-то получилось, не сказал ничего с чем шел. Сатир же понял это по-своему, мечтательно закатил глаза и тоже вспомнил случай, как купался с практиканткой в теплом озере на Сахалине. Потом спохватился и, как человек практичный, оригинально мыслящий, сделал вывод неожиданный, де-мол, если сейчас, спустя тридцать лет, старообрядческие клады не изъять из земли, то еще через тридцать изымать будет нечего, все сгниет. А старинные книги – вещи бесценные, редкостные...

И тем самым подтолкнул Рассохина к мысли, оправдывающей поездку на Карагач. Он тут же переориентировался и предложил, дескать, неплохо бы будущим летом прокатиться в Сибирь, отдохнуть, вспомнить молодость и поискать книжные захоронения, совместить приятное с полезным. Бурнашев слушал его с видом непроницаемо-улыбчивым, сидя за своим рабочим столом в лаборатории, где вперемешку с бумагами высились завалы радиодеталей, проводов, паяльников, кусачек, отверток и прочего инструмента, покрытого пылью. С рождением дочки он сильно изменился, стал замкнут, после работы сразу бежал домой, ходил чем-то озабоченный, а самое главное – перестал паять и заигрывать со студентками.

– А как они в землю попали, книги-то? – спросил он то, о чем Рассохин даже не задумывался. – Кто закопал?

– Кержаки, наверное. Там исконно раскольничий край...

– Зачем?

– Кто их знает?.. Должно быть, прятали.

– Надо выяснить, почему прятали, – заявил Бурнашев. – То есть это единичные случаи или система. Если система, тогда можно искать. Займись, узнай все, а я аппарат сделаю.

– Какой аппарат?..

– Попробую скрестить ужа и ежа. А как ты иначе собрался искать? Есть одна мысль, давно хотел воплотить в железо, да стимула не было... Но за это ты возьмешь меня с собой на Карагач.

– У тебя молодая жена и маленькая дочка, – напомнил Рассохин.

Сатир отчего-то набылчился, и Рассохин вдруг подумал – сейчас скажет, что опять разводится. Суть их многолетней переписки состояла в том, что Бурнашев сообщал ему о своих свадьбах и слал приглашение, потом с восторгом рассказывал о детях и, наконец, о разводах, их философских обоснованиях и причинах.

– Я, кажется попал, Стас, – на сей раз сказал Кирилл. – Мы с Сашенькой в храме повенчались... И теперь просто беда.

– Развенчаешься, не впервой, – не без иронии сказал тот.

– Боже упаси!.. Сашенька женщина потрясающая! Она жена мне до последнего часа...

Так он про всех жен говорил.

– В чем же беда?

– После венчания Сашенька религией увлеклась, а до этого и в церкви-то не бывала... И надо же, каждый день теперь ходит, дома все с молитвами, без креста есть не сядешь, спать не ляжешь... Точно как у кержаков! Посты всякие, запреты, шаг влево, шаг вправо... И меня еще с собой тащит! Святого делает... Курить нельзя, выпить – по праздникам, ругаться и вовсе, даже если молотком по пальцу... В общем, тоска смертная, Стас. Хотя я догадываюсь, зачем она это делает.

– Зачем?

– Опутать хочет, в кокон заплести, чтоб сидел и не дергался. Она же знает про всех моих жен, детей. Что я от них, как колобок... Религия – это самый действенный способ, могучий рычаг, чтоб придавить человека, смирить волю... У Сашеньки ручка слабенькая на вид, нежная, целуешь – так подрагивает. Она все время взволнованная, понимаешь? Таких не любить невозможно!.. И вот этой ручкой она меня за горло...

Прядь с лысины свалилась и висела возле уха, как казацкий чуб, – Рассохин впервые видел приятеля несчастным и растерянным.

– Сорваться хочешь от нее на лето? – прямо спросил он.

– Хотя бы месяца полтора воли! – простонал тот. – Нельзя же так сразу приручать зверя!

– Отпустит?

– С тобой отпустит! – уверенно сказал Бурнашев. – Сашенька считает, ты вообще праведник, то есть ведешь праведную жизнь. Поэтому и выглядишь на тридцатник. А я волосы на чужих подушках оставил...

– Знала бы она, какой я праведник, – проворчал Стас.

– Скромник ты наш!.. За больной женой ухаживал, умерла, так не пустился во все смертные. Воздержание, умеренность, ну и все прочее. А потом, бескорыстно спасать церковные книги, иконы – это же духовный подвиг! Сашеньке нечем будет возразить!.. Даже если их там нету, все равно поедем! Кобеля надо обязательно спускать с цепи, иначе хозяйку покусает.

Таким образом Бурнашев вдохновил Рассохина на экспедицию, но едва они начали считать, во сколько обойдется поездка в Сибирь двух-трех человек со всеми транспортными расходами, арендой лодок и закупкой дорогостоящих японских радиоблоков, плат, матриц, видеокарт и прочих деталей для аппарата, то пыл сразу же потерял высокий градус. На все про все требовалось более миллиона, а потом еще раз пересчитали, и сумма увеличилась почти вдвое – столько из кармана не достанешь и взять особенно не у кого. Правда, Бурнашев одного богатенького приятеля вспомнил – отставного милицейского полковника Галицына, но сразу сказал, что тот вечно приbedняется, займы не дает и если даст какую-то часть, то непременно попросится в экспедицию, поскольку давно мечтает посмотреть настоящую дикую Сибирь. И вполне может потребовать компенсацию, например процент от найденных кладов. Так что никакой бескорыстности не получится.

В общем, расстались они с настроением кислым, однако и тут не обошлось без мистики: буквально через день вдруг объявился младший Колюжный, который до этого не звонил, пожалуй, год. И вопрос с финансированием закрылся в тот час же, как Рассохин, опять же скрывая истинную причину, поведал Колюжному о замысле экспедиции – о Карагаче тот уже был наслышан.

С Колюжным-старшим Стас работал на Вилюе. Славка тогда был еще маленький, но любопытный, рвался с геологами в поле, и Рассохин однажды взял его с собой на прииск, где и

научил мыть золото лотком. Геолог из Колюжного не получился, ибо через несколько лет его перевели в министерство, Славка закончил экономический факультет, потом учился за рубежом, но умения добывать золото не утратил – стал солидным бизнесменом и заработанные деньги не жалел, устраивая всевозможные экстремальные походы зимой на снегоходах, летом на моторных лодках.

После того как вопрос с деньгами решился, Рассохин наконец-то уверовал, что экспедиция на Карагач состоится, воспрял и с вдохновением ушел в Интернет выуживать все, что есть по старообрядческим поселениям и скитам по Карагачу. Но оказалось, кроме упоминаний о том, что бассейн этой реки заселялся беглыми раскольниками в восемнадцатом веке, ничего интересного не было. Дважды попадались невразумительные научные публикации профессора Дворецкого, утверждающего, будто кержаки толка молчунов приходили сюда с реки Керженец, для чего он проводил специальные исследования говоров, бытовой и религиозной культуры. Будто обычай после сорокалетнего возраста замолкать до конца жизни возник еще на европейской части России и впоследствии перекочевал в Сибирь. И уже здесь их почему-то перестали называть молчунами, а окрестили погорельцами, видимо, после какого-то пожара.

И хоть бы строчка, хоть бы намек, почему эти молчуны-погорельцы закапывали книги!

Этот профессор жил в Питере, и Рассохин уже прикидывал, как бы в ближайшие выходные с ним встретиться, искал адрес и телефоны, и в хлопотах выпало из памяти, что в субботу должна приехать дочь Жени Семеновой, из той же самой Северной столицы. Когда она рано утром позвонила в дверь, Стас в недоумении пошел открывать и, увидев на пороге женщину, отпрянул и потерял дар речи. Он вмиг вспомнил о Елизавете и так же вмиг узнал ее: перед ним стояла точная копия блудной отроковицы – тот же нос с горбинкой, большие глаза с выпуклыми веками, чуть впалые щеки и яркие даже без помады выразительные губы. И скорее всего, от этого внезапного сходства ощутил смущенное волнение, в первые минуты не знал, как себя вести – то ли как с реальным человеком, то ли как с привидением, вдруг возникшим из небытия.

– Простите, – сказала это явление в прихожей. – Могу я видеть вашего отца?

– Моего отца? – странный вопрос несколько вернул к реальности. – Но он давно умер...

– Я разговаривала по телефону, – смутилась Елизавета. – Со Станиславом Ивановичем Рассохиним...

– Это я, – признался он. – А вы копия Жени Семеновой.

– Да, мне говорили, – заметила она грустно. – Я очень похожа на маму... Значит, вы ее хорошо помните. А я представляла вас намного старше...

Сходство было не только внешним: оказалось, Лиза даже в профессии пошла по стопам матери и работала фотокорреспондентом в модном цветном журнале.

Потом он уловил все-таки первое, видимое различие: у Лизы не было в глазах той манящей улыбочки, призывного изгиба приоткрытых губ, легкого, увлекающего и какого-то шелкового шелеста в голосе – всего того, что с избытком присутствовало у Жени Семеновой. И еще, волнуясь, заикалась немного на некоторых первых буквах. Возможно, поэтому она показала сдержанной и замкнутой – в общем, дитя уже другого, неромантического времени, хотя привезла с собой фотокамеру, чтоб заодно поснимать московские февральские пейзажи.

– Мне стала сниться мама, – призналась Елизавета, когда сели на кухне пить чай. – Нынче только, с января...

Рассохин вспомнил, что и ему Женя первый раз приснилась вскоре после Нового года.

– И теперь вижу ее почти каждую ночь, – продолжала она. – Сон один и тот же: мы сидим на даче и смотрим, как ласточки вьют гнездо на веранде. Сначала я обрадовалась: никогда ее во сне не видела, помнила по старым фотографиям... А потом это стало мучительно. Несколько раз ходила к психологу, была у экстрасенса, в церкви... В общем, все говорят одно и то же: мамы нет в живых, если за тридцать лет не объявилась.

Если бы она сделала паузу, Рассохин бы заполнил ее откровенным признанием и подтвердил, что и в самом деле Жени нет в живых, однако Лизе хотелось высказаться, поэтому она всего лишь подняла взгляд и продолжала:

– И еще говорят, надо успокоиться, принимать на ночь снотворное, больше бывать на воздухе, свечи ставить за упокой... А я не верю, что мамы нет. Чувствую – жива, и потому решила ее поискать. Мне кажется, она меня зовет, хочет, чтоб нашла... И теперь устанавливаю всех, кто знал маму, кто ее видел накануне... Разыскала бывшего начальника Карагачской партии, Гузь фамилия. Помните?

– Очень хорошо помню, – отозвался Рассохин и поймал себя на мысли, что все еще рассматривает гостью и ищет отличия.

– Он уже старенький, больной, с палочкой ходит. Но всех помнит, и маму, хотя видел, говорит, всего дважды. Мама была яркая, запоминающаяся, правда?

– Правда, – согласился он. – Она походила на греческую Афродиту. Известная скульптура...

– И еще, – после долгой и печальной паузы проговорила Лиза. – Скажите мне честно, без всяких предрассудков... Гузь мне сказал, моя мама была гулящая. Он сказал – блудница. То есть, насколько я понимаю, не очень-то тяжелого поведения...

– Сволочь он, этот Гузь! – отрубил Рассохин. – Ни стыда и не совести...

– Я ему почему-то верю. И слово старинное, не обидное – блудница.

– Болтовня, стариковский треп!

Сказал уверенно, а у самого перед глазами возникла картинка: сосновая грива среди болот, реликтовые деревья, и они с Женей друг против друга. У Рассохина в руках трехлинейная винтовка с примкнутым трехгранным штыком...

– Простите, Стас, – повинилась Елизавета, не поднимая глаз. – Мне и папа это же говорил. Только он называл ее грубо. Они поэтому разошлись... Да я и сама помню отдельные эпизоды...

– Мне трудно судить, – сдался Рассохин. – Мы и знакомы-то были три дня. Или чуть больше.

– Кажется, вы ее защищаете?

– Ваша мама не была блудницей, – как-то неловко стал оправдывать ее Рассохин. – Она Репе в глаз дала, тот с фингалом ходил... Никому не верьте!

И опять ощутил мгновенный позыв рассказать Лизе, как он, будучи больным, теряющим рассудок и охваченным приступом ревности, застрелил Женю Семенову. Однако это мимолетное движение души опять наткнулось на разум – не поймет, или хуже, испугается, примет его за помешанного...

– Мне показалось, Гузь судит о людях достаточно объективно, – не согласилась Лиза. – Он и вас вспоминал добрым словом, про Рассохинское месторождение говорил. Будто названо по вашему прозвищу – Рассоха. – Она впервые улыбнулась. – Много чего рассказал. А я люблю слушать всяческие истории из прошлого, даже на исторический хотела поступать... Гузь не знал ни адреса вашего, ни телефона. Слышал только, вы стали доктором наук, лет пять назад. Вот я вас по Интернету и вычислила. Гузь и сказал, вы были последним...

Елизавета замолчала, должно быть, подавляя спрятанные внутрь слезы.

– Только я этого не знал, – пришел ей на выручку Рассохин, – что вижу в последний раз. Этот Гузь послал мыть золото...

– А какой вы запомнили маму? – Она встрепенулась. – Может, какие-нибудь ее слова? Она что-нибудь рассказывала о себе?

– Рассказывала о вашем отце... Еще как опостылел ей Питер. И так, по мелочам... Да, и про ежиков! Как вы отняли ветку у ежихи.

Лиза молча достала из сумочки пластиковый пенальчик и вынула оттуда засохший ивовый побег величиной с карандаш.

– Ношу как талисман...

– Помогает открывать замки?

– Истины. – Она спрятала ветку.

– А у меня сохранилась одна ее вещица! – вспомнил Рассохин.

– Правда? – оживилась она. – Какая?

Стас открыл нижний шкафчик стеллажа с коллекцией минералов и вынул расческу.

– Вот... Даже с остатками ее волос.

Лиза бережно рассмотрела незамысловатый гребень, потрогала волоски, оставшиеся между зубьев, приложила к щеке.

– Можно, я возьму себе?

– Конечно!

Лиза завернула расческу в носовой платок и убрала в сумочку.

– Все хочу спросить, вы так выглядите... Приняла за сына! – Она рассмеялась. – Я-то представляла вас таким седовласым, зрелым... Знаете секрет молодости? Или образ жизни, диета?

Тема его внешности всегда смущала и даже злила Рассохина – возможно потому, что была как-то связана с его прошлым, трагическими обстоятельствами, однако была излюбленной для всех друзей и знакомых, особенно женщин.

– Ничего я не знаю, – проворчал Рассохин. – Выпиваю, курю, трусцой не бегаю...

Она услышала нежелание обсуждать это и вернулась к воспоминаниям о матери:

– Вы были взрослым и, наверное, запомнили ее образ иным, чем, например, я в пятилетнем возрасте. Какая она была? Мне все интересно.

– Она по утрам сильно чихала! – вспомнил Стас. – С таким вскриком!..

– Это я помню. Отчего?

– Кажется, говорила, от резкого перепада температур. Кстати, она была моржихой и купалась в проруби на Стрелке.

– И это помню, несколько раз брала с собой, закаляла... А мама говорила обо мне? Ну, вспоминала меня?

– Вспоминала, как вы вместе наблюдали за птицами. У вас на даче ласточки вили гнезда... И обещала рассказать историю про зимующую ласточку.

– И не успела?

– Не успела.

– Хотите, расскажу? – Лиза оживилась, глаза заблестели. – Это я помню! У нас на даче было гнездо, а там пять птенцов. Маляр красил потолок и одному ласточенку случайно выкрасил белилами спинку. Когда они выросли и улетели на юг, крашенная ласточка осталась. Наверное, с таким пятном ее в стаю не принимали... Эта меченая птица прожила у нас всю зиму. Мы ездили два раза в неделю и топили печь, чтобы не замерзла. Еще специально гноили лук. Это чтобы в воздухе летала луковая мушка. Да, разводили моль в старой шубе! Но она никак не разводилась. Ласточка стала совсем ручная и о стекла не билась, понимала. А как радовалась, когда мы с мамой приезжали, и зимой пела, как летом! На улице мороз, а она сядет на провод от лампочки и щебечет!.. Весной мы открыли ей окно, чтоб могла залетать в дом. Она залетала и однажды привела с собой ласта. Красавец такой, во фраке, и тоже будто ручной. И они начали лепить себе гнездо прямо над обеденным столом, представляете? Когда мы уезжали, то оставляли открытой форточку...

Лиза вдруг всхлипнула и замолчала.

– Чем же это закончилось? – выждав долгую паузу, спросил Рассохин.

Гостья глубоко вздохнула и улыбнулась сквозь слезы.

– На дачу без нас приехала бабушка, которая потом меня воспитала... Увидела, что весь стол и стена в птичьем дерьме. А она у меня всю жизнь преподавала эстетику и невероятно любила порядок, во всем. По ее мнению, нельзя приручать диких ласточек, нарушать естественный ход вещей. Перелетные птицы обязаны улетать на юг и возвращаться весной независимо от пятен, оставленных краской... В общем, она сломала гнездо и закрыла форточку. С тех пор ласточки не то что зимовать – даже над участком не летали...

2

Поисковый отряд, в котором тогда работал Рассохин, перевели на промышленную разведку, и нарезать участки для освоения, руководить вскрышными работами ему показалось делом весьма скучным и монотонным. Романтический дух середины семидесятых требовал новых просторов и занятий, к тому же три полевых сезона и три камеральных зимы делали его вольным, поскольку обязательный срок по распределению после института он отработал.

Это был период двойственности чувств: хотелось уехать от однообразия и назревающей, как чирей, оседлости – Станиславу даже квартиру дали в отстроенном на Гнилой Прорве приисковом поселке, куда теперь перебазировалась партия, но едва решился, как стало нестерпимо жаль оставлять Карагач, где, можно сказать, он снял сливки со своей жизни. Вдруг представил, что уже никогда и нигде не будет этого ощущения радости – от первых самостоятельных маршрутов, от первых открытий, да и вообще от всей походно-кострово-палаточной жизни, навсегда лишенной нудной учебы, зубрежки, экзаменов и прочей обязаловки, на которую обречен человек с самого детства. Будет много чего нового и интересного, однако это ощущение беззаботного счастья не повторится.

Еще не уехав, он уже начинал тосковать даже по тому, что порядком надоело – по одним и тем же ролям в поле, камералке⁷ и общаге. В отряде было девять геологов, столько же маршрутных рабочих, и все имели прозвища, чаще образованные от фамилий: начальник Репнин был Репой, Мухачев – Мухой, Рассохин, естественно, стал Рассохой. Только к Лисицину приклеилось погоняло – Китаец, поскольку фамилию его произносили как Ли Си Цын, а у начальника партии и так была смешная фамилия – Гузь, так все равно переделали и звали Гусь, правда, за глаза.

– Что вы как зеки? – отчитывал, приезжая, главный геолог экспедиции Чурило, сам не подозревая, как его кличут на самом деле. – Что за моду тут завели? Вы же геологи, интеллигенция, кандидатские диссертации защищаете. А как обращаетесь друг к другу? Не можете устоять перед дурным влиянием своих рабочих? Сами уже как бичи, честное слово!

Если бы главный слышал шутки, отпускаемые старшему технику-геологу Галкину по прозвищу Галя, особенно когда раскладывались по палаткам спать, то вообще бы в ужас пришел.

Стоило только представить, что скоро всего этого не будет, как становилось пусто и тосливо. Рассохин начинал понимать, что на самом-то деле это не молодая, еще студенческая безалаберность и дурашливость в чисто мужском коллективе, а всеобщее ощущение счастья и искренней радости от жизни. Единственное, что еще не случилось у него на Карагаче, что он не испытал за все три года и отчего тайно страдал, – это встречи с Ней, чудесной, ни на кого не похожей, пьянящей чувства и толкающей на подвиги. В двадцать пять, говорят, нравятся уже всякие женщины, и недостатка в них не было, во всяких, – одних только ссыльно-поселенков в леспромхозе было три барака. Это не считая вольных, кто после отбытия срока остался на лесоучастках Карагача, ибо на противоположной стороне от Гнилой Прорвы стояла женская зона, где шили рабочую робу.

И далеко не все местные были дурны на вид; напротив, чаще попадались красавицы, с коими как раз внешность и сыграла злую шутку – спутывались со всякими мошенниками, пройдохами, преступниками и получали сроки за соучастие. Ими даже кержаки не брезговали, и говорят, иногда похищали прямо с лесоповала, где они работали сучкорубами. Однако Рассохин чуть отставал от физического возраста, все еще одолим был юношескими мечтами, и в воображении, надо сказать, весьма искушенным романтическим временем, рисовал абстракт-

---

⁷ Камералка – помещение для камеральной обработки материалов, собранных во время экспедиций и полевых изысканий.

ции. Казалось, Она, иллюзорная дева или, говоря кержацким языком, отроковица, где-то здесь близко, на Карагаче, только еще не встретилась.

И будет нестерпимо жаль уехать отсюда и не встретить.

В минуты подобных раздумий Рассохин даже колебаться начинал, однако отступить было поздно. Еще зимой и тайно от руководства он списался с Вилюйской экспедицией в Якутии, где работала его однокурсница Аня, похлопотавшая за него, получил приглашение от главного геолога и рассчитывал поспеть к полевому сезону, который там начинался в конце мая. А в его начале, дабы отсечь всякие колебания, он написал заявление об уходе. С Аней у них была дружба, самая настоящая: однажды она влюбилась в дипломника и чуть с ним не уехала на тот самый Вилюй, бросив институт. Но ее возлюбленный бросил ее и отбыл по месту распределения, даже не попрощавшись. Несколько месяцев Стас вытирал Ане слезы, утешал, увещевал, пока та не влюбилась в следующий раз, теперь в парня-буровика, как показалось, надежного и верного. А он на студенческой свадьбе весь вечер целовался и танцевал со свидетельницей и даже провожать ее ушел. И опять плач в жилетку на ночных прогулках, убедительные слова, что Аня – самая красивая девчонка в институте, и вообще, с такими внешними данными ей бы в артистки, и покорила бы всех. Ну и всякие прочие слова, за которые утопающие хватаются как за соломинку. Должно быть, первая любовь у Ани не забывалась, и она добилась распределения в Вилюйскую ГРЭ, а ее возлюбленного уж и след простыл на якутских морозах.

И вот теперь Рассохин должен был ехать на эту реку – место заманчивое, романтичное, неизведанное, и тут же выстроилась цепь загадочных событий.

Потом Рассохин увольнялся из экспедиций еще дважды, но всякий раз отмечал странную закономерность, повторяющуюся вплоть до деталей. Три года работы на Карагаче начальство его почти не замечало: жил он зимой в общежитии, под которую приспособили старый зековский барак, и ничем не был отмечен, хотя открыл самую богатую россыпь на безымянной речке выше Гнилой Прорвы. Премии и ордена достались руководству.

Но стоило лишь заикнуться об уходе, как все тут же спохватились, Стас услышал о себе много лестных слов, мгновенно получил ордер на квартиру и ключи, хотя давали их только женатым, предложение о назначении начальником отряда. И самое важное – начальник партии Гузь обещал восстановить справедливость и включить его в список соавторов научной работы по Рассохинскому россыпному месторождению – работы, которую Стас за зиму написал в одиночку и, дабы заручиться рецензиями, отдал Гузю, исполняющему обязанности старшего геолога, а тот в свою очередь главному геологу экспедиции. Оба они поправили стилистику нескольких фраз, сделали незначительные уточнения по геохимическим и спектральным анализам, и в результате фамилия Стаса оказалась на последнем месте в списке авторов, а когда работу опубликовали, то чудесным образом вовсе исчезла! На титуле значились Чурило и Гузь...

Рассохину, конечно, было обидно, но когда тебе двадцать пять и перед тобой еще открыт весь мир, а обидчикам в два раза больше и просвета почти нет, многое прощается быстро и сразу. Поэтому, несмотря на уговоры и посулы, он заявления не забрал и изготовился отрабатывать положенные две недели.

И в первый же день случилось еще одно событие: в Гнилую Прорву, где теперь базировалась партия, прилетел вертолет и вместе с приискателями привез на преддипломную практику студентку Женю Семенову. Гузь от девушек отмахивался как от чумы, в вузы даже письма писал, рисуя страшные картины похищений кержаками невест, но практикантов все равно присылали каждую весну почти на целый полевой сезон, по несколько человек, половина из которых оказывалась женского пола. Пристрастные к романтическим профессиям, чувствительные к экзотике, девчонки лезли на геолого-поисковые факультеты по головам парней. И тогда в отряде начиналось оживление: мужики впервые за зиму стирали свитерки и штормовки, каж-

дый день брились, кто не носил бород, пользовались запашистым одеколоном, даже переставали ругаться матом и называли друг друга по именам.

При появлении Жени Семеновой нетерпимый Гузь даже не шумел, не противился, не требовал от практикантки, чтоб осталась до осени в камералке для связи, обработки прошлогодних материалов, лабораторных исследований проб и сидела, носа не высовывая. А все, что нужно для дипломной работы, получит в чистом виде и с лихвой. Даже премию...

А был таким мирным и обходительным только потому, что студентке этой перевалило за тридцать – таких уже вроде бы не похищали...

Едва появившись в камералке, Женя стала угощать всех сигаретами «Мальборо», причем делала это высокомерно-снисходительно и одновременно каждому строила глазки. По крайней мере, Рассохин это узрел, да и судя по реакции остальных, никого не обнесли сим пьянящим сосудом. Вышли на улицу покурить, и трубка Стаса сразу бросилась Жене в глаза.

– Вы очень колоритный, – тоном фотохудожника произнесла она и подняла фотоаппарат. – Курчавая борода, трубка, вздыбленный чуб...

И щелкнула его крупным планом. Рассохин и ухом не повел, но Галя сразу «заточился» на нее, без всяких знаков внимания, защебетал что-то на ушко. Следом за ним в бой за отроковицу кинулся отважный Муха: стал показывать самородок величиной с булавочное ушко и в форме груши, который давно притырил на приiske и носил как талисман. Женя кивала с завлекающей улыбкой, что-то говорила вполголоса, но в тот миг на Рассохина это не произвело никакого впечатления.

«Право первой ночи», конечно же, принадлежало начальнику отряда Репе. Однажды в отряд приняли на работу проводниками двух кержаков – отца с сыном, и за лето от них нахватились всяких старинных словечек, после чего всех практиканток, да и девушек вообще, стали называть отроковицами, а парней – отроками. Так вот, отроковицы чаще всего попадались своенравные и право выбора оставляли за собой, невзирая на право начальника. Эта же отроковица была зрелой, возрастом вровень с Репой, поэтому в успехе никто не сомневался, впрочем, как особенно-то и не завидовали: полевые романтические приключения редко заканчивались постельными или чем-либо еще более серьезным. Взаимная, даже самая сильная страсть, соответственно целомудренному времени, чаще превращалась в ночные посиделки возле индивидуальных костров, разговоры про поэзию, песни Кукина под гитару и невинные поцелуи. А Рассохину медведь уши оттоптал с детства – ни петь, ни играть не умел, зато умел слушать всяческие девичьи откровения и помалкивать.

Разумеется, Репа сразу же позвал Женю Семенову в отдельную камеральную комнату якобы для делового разговора. Там, как обычно, настрашал злобными похитителями-кержаками и через час уже сам повел отроковицу «на размещение», то есть на временное поселение в свою квартиру под личный контроль. Приезжих студенток до начала полевого сезона обычно определяли к семейным работникам партии, чтобы и в самом деле не выкрали, да и не хотели показывать бардак в общежитии и ранить их тонкую психику зековским баракком.

Рассохин вначале отнесся к Жене равнодушно, ибо ничего эдакого, кроме возраста, в ней не заметил: казалось-то, когда Ее, настоящую, увидишь, сердце непременно екнет. А может, в это время душой был уже в Якутии, и все, что сейчас окружало, воспринималось отвлеченно, как сквозь мутное стекло. На что там обратить внимание, если отроковица хоть и рослая, длинноногая да волосы пучочком, глазки слегка навылупку, нос с горбинкой, и вроде бы из-под манящего взгляда проглядывает некий испуг пополам со скрытой задумчивостью. В общем, на первый взгляд не такая уж и привлекательная, да еще девица себе на уме. Однокурсница Аня, что ждала его на Вилуе, по сравнению с ней раскрасавицей была, только за зиму столько снимков своих прислала, что Стас в изголовье кровати всю стену ими увесил, а соседям по комнате говорил, что Аня киноактриса – ни одной полевой фотографии, все шляпки с вуаль-

ками, пилотки, банты. И до сих пор бы не снимал, если б не обнаружил, что под карточками на день прячутся клопы, чтобы выбраться ночью и пить кровь.

В общем, у Стаса ничего не шевельнулось и не екнуло при появлении Жени Семеновой. Она благополучно переночевала у Репы, наутро явилась в камералку как ни в чем ни бывало и стала завлекать взглядами Мухачева. Тот же, невзирая на претензии начальника, поддался искушению, ушел с отроковицей покурить и не возвращался полтора часа. И когда они вернулись, то оба были с мокрыми волосами – оказывается, искупались в ледяном Карагаче! Выглядели они бодро и весело, тем паче Репнин в этот день так и не появился, сославшись, что занимается подготовкой оборудования на техскладе. Отбивать отроковицу у Мухи никто не собирался, напротив, шепотком желали успеха, однако поздно вечером, когда Рассохин вышел из своего барака, чтобы посмотреть, как прибывает вода, увидел, что практикантка сидит под стальной электрической опорой на берегу возле костерка, упаковавшись в новенький спальный мешок, полученный на складе партии. Мухи нет, но рюкзачок с вещичками рядом...

– Ночевать на природе еще холодно, – предупредил он. – Ночью примораживает...

– Ничего, – буркнула она и глянула утомленно-зовущим взором. – У костра не замерзну.

У меня третья практика...

– Репнин говорил, это опасно?

– А то как же!.. Что только ни говорил, чтоб к себе заманить, обольститесь...

И сразу стало ясно, что у начальника отряда с отроковицей произошел конфликт, причем на известной всей партии почве – легкая добыча оказалась или с норовом, или Репа не нашел ключа, чтоб отомкнуть пояс верности.

– Здесь на самом деле женщин воруют, – заметил Стас. – Кержаки-погорельцы.

– Я приехала на производственную практику, – независимо подчеркнула Женя. – Все иные практики я уже проходила. Мне нынче дипломную работу писать! Вы что здесь, одичали совсем? Сами как кержаки...

Рассохин подумал – ей скоро на пенсию пора, а она собралась диплом защищать. Но достал ключи от новой, необжитой квартиры – сам туда не вселялся принципиально.

– Видишь дом на самом берегу? Третья квартира на втором этаже. Пустая и без мебели. Но спальник у тебя есть...

Положил ключи перед ней и ушел.

Он не знал, когда ночной мороз загнал ее под крышу, однако рано утром на берегу возле опоры практикантки не было и кострище оказалось в инее. К восьми Женя пришла в камералку уже без тощего хвостика, и даже стекло с выпуклых глаз слиняло. Мужики делали вид, будто ничего не случилось, отпускали очень сдержанные комплименты, в общем, все как всегда. Только вот Репнин почему-то опять не пришел в камералку, и до обеда его никто не видел, потом сказали – зуб заболел и лежит дома. Но что значит такой пустяк, как зуб, когда до заброски на Рассошинскую россыпь три дня, надо собирать отрядное имущество, продукты, получать материалы, карты и согласовывать план работ со своим руководством да еще с чужим, приисковым?

Гузь сначала отправил за ним посыльного, но когда тот не достучался, пошел сам. И привел-таки начальника, только у того не зуб прихватило, а под глазом был фиолетовый, с желтой окантовкой фингал, да и глаз с кровоподтеком. Репа что-то лепетал, как вчера вечером один против пятерых дрался с приискателями, которых и впрямь наехало уже достаточно, и парни они были из той породы ярых старателей, про бархатные портянки которых до сих пор травили байки. Отряд слушал его участливо, кое-кто вызвался даже наказать обидчиков, но все искоса посматривали на Женю Семенову и немо восхищались. Отроковица же, как и положено деве невинной, сидела, скромно потупив взор в порученные ей бумаги и в обсуждении не участвовала.

Однако Репнину откуда-то уже было известно, у кого ночевала практикантка, потому что он позвал Рассохина и велел сегодня же загрузить лодку бензином и завтра рано утром взять с собой отроковицу в качестве маршрутного рабочего (а на преддипломной ей полагалось работать на должности техника-геолога) и выдвигаться в район работ. Приискатели рвались в бой, намеревались встретить День Победы первым карагачским золотом. Знаменательных дат в календаре больше не оставалось до самой осени, а тут символично – Победа над Карагачем как над врагом! Поэтому едва пронесло лед, драгу отбуксировали к месторождению, куда еще зимой нагнали всяческой техники. Пробный участок хоть и был разведан и нарезан, однако требовался геологический контроль вскрыши. Можно было преспокойно начинать и без этих маловажных формальностей, но старатели после всех драматических событий на Карагаче стали излишне суеверны и хотели соблюсти все правила, дабы потом, в случае провала, не брать на себя ответственность. Мало ли что выкинет строптивая река...

А всего и надо-то было ручным буром проткнуть несколько двухметровых скважин, чтобы точно, до сантиметра, отбить глубину залегания россыпи, после чего весь верхний слой пустой рыхлятины снимался бульдозерами. Если грунт на высокой пойме оттаял, работы было одному и на день, а практикантке так и вовсе нечего делать, поэтому Стас сразу же уловил мстительный азарт начальника. Когда Рассохин решил уволиться, самодельный табурет под Репой закачался, а петля уже была на шее: Гузь во всеуслышание заявил, дескать, если Стас передумает, то в грядущий сезон быть ему начальником, а Репнина за прогулы и разгильдяйство, за неисполнение распоряжений, пьянство и недостойное члена партии поведение на три месяца переведем в техники, а то и вовсе маршрутным рабочим.

А тут еще получилось, будто Рассохин и студентку увел у него из-под носа!

– Ознаменуй ударным трудом, – язвительно сказал Репнин, – последние деньки в нашей славной партии! На месторождении имени себя...

Стас спорить не стал, ибо работать оставалось уже меньше двух недель, и только спросил по-свойски:

– Репа, скажи по дружбе, у нее разряд по боксу?

– У кого? – будто бы не понял тот.

– У той, кто тебе в глаз дал!

Он отпираться не стал, поскольку один на один всегда был откровенным.

– Вот и спросишь, – ухмыльнулся. – Когда тебе вмажет. И еще имей в виду: не отроковица она, натуральная блудница. Порется классно, но экспериментов терпеть не может. И столько столичного гонора!..

Рассохин услышал в его словах победу, но вместе с тем голос обиды и разочарования, и мысленно ухмыльнулся. Он получил на складе триста литров бензина для моторок отряда, загрузил в лодку «Прогресс», навесил «Вихрь», собрал вещички и всю ночь просидел на пристани у костерка, поскольку оставлять дефицитное добро без присмотра было невозможно. Крали здесь так стремительно и виртуозно, что, случалось, на минуту причалив к дикому безлюдному берегу по большой нужде (дольше не выдержишь из-за гнуса), можно было лишиться мотора, забытого в лодке оружия, бачка с бензином – и хорошо, что воры отличались благородством, не брали весла, одежду и все продукты.

Женя Семенова переночевала в его квартире и рано утром явилась с рюкзаком и спальником, уже без вчерашнего макияжа, с видом вполне полевым, однако чем-то неуловимо привлекательным. Стас посоветовал забраться в спальный мешок, сесть спиной к ветру, сам же запустил мотор и погнал лодку вверх по реке. Она взглянула на него снисходительно – если не сказать брезгливо, и сделала все наоборот: села к нему спиной, вооружилась редкостным иностранским фотоаппаратом «Кэнон» и только вязаную шапочку поглубже натянула. Навстречу несло много топляка, почти скрытого под водой: приискатели зачищали от залома устье речки, впадающей в Карагач, готовили проход драги и фронт работ на той самой россыпи, которую в

одиночном многодневном маршруте, в присутствии маршрутного рабочего Юрки Зауэрвайна, с фотосъемкой, дневниковыми записями и прочими неоспоримыми доказательствами открыл Рассохин. Хотя по всем физическим и геологическим законам ее там не должно было быть – ни «гребенок», которые обычно задерживают тяжелую фракцию, ни следов древнего омута – своеобразной бутары, где бы осаживалось золото. Сама безымянная речка, впрочем, как и современный Карагач были не при чем, если не считать того, что их русла вскрыли более древние аллювиальные отложения. Природа отчего-то вздумала нашпиговать драгоценным металлом почти трехметровый слабосцементированный галечник, лежащий на меловых породах и бывший когда-то дном моря, причем так богато, что Рассохину вначале и не поверили, дескать, такого не бывает. И вообще, мол, в нашем районе таких россыпей нет и быть не может, а подобные есть лишь в Южной Африке. Так или иначе, после этого открытия бросились шурфовать подобные галечники по всей реке, особенно в предгорной ее части – пусто. Другого характера россыпи есть, а таких более ни одной.

Через два часа поединка с ветром и холодом практикантка все-таки вняла голосу разума, забралась в мешок и развернулась к Стасу лицом. Тот же словно и внимания не обратил, на ходу переключил новый бак с бензином и продолжал глядеть выше головы Жени и бочек, дабы не напороться на топляк. Сам он давно замерз, рука на румпеле хоть и была в рукавице, но уже онемела и отваливалась от постоянного напряжения. И все равно краем глаза видел ее лицо, особенно посиневший нос с горбинкой, слезящиеся от ветра и от того какие-то оживленные внутренним страданием глубокие очи пожившей на свете, повидавшей виды женщины – иначе нельзя было определить выражение этих глаз. И часто замечал, что Женя в свою очередь не рассматривает, но приглядывается к нему и будто бы на студеном майском ветру теплеет та холодность в отношениях, что возникла благодаря змейскому, гиперсексуальному характеру Репнина. По крайней мере оказалось, практикантка не просто глазки строит мужикам, но умеет грустно улыбаться, задумываться, уходить в себя. Вдруг взяла и сфотографировала Рассохина крупным планом, хотя прежде снимала только виды реки, заломы, коряги и несущихся над водой уток. Он на ходу достал из рюкзака фляжку со спиртом, отхлебнул сам и протянул спутнице, но не предупредил, что за напиток. Отроковица же понюхала горлышко, смело сделала глоток и хоть бы поморщилась или забортной водыхватила ладошкой! Сразу видно, крепкие напитки пробовала не один раз.

Такая не раздумывая в глаз врежет...

Второй бак был на исходе, когда впереди над затопленной низкой поймой обозначилась высокая надстройка драги. Но еще пришлось крутиться по трем долгим меандрам, прежде чем в устье по-весеннему широкого и уже очищенного от залома притока Карагача открылся ее корпус, по верхнему этажу надстройки которого красовалась надпись, недавно набитая через трафарет, – «Рассоха». А на берегу стройной колонной стояла техника – оранжевые бульдозеры С-100, экскаваторы и десяток самосвалов, загнанных сюда по зимнику: мыслили отвалом сразу же отсыпать прямую дорогу на Гнилую Прорву.

Рассохин причалил к берегу возле стана приискателей, но выходить не стал, сообщил только, что завтра с утра можно будет приступать к вскрыше и что контуры пробного участка он отобьет сегодня же. Готовые к трудовому подвигу золотушники знали первооткрывателя этой россыпи и в благодарность забросили в лодку четыре крупных нельмы, посетовали, что на «сухом» законе, и оттолкнули от берега.

От устья речки до стана геологов, где отряд должен был базироваться, было еще минут десять пути по полноводному притоку, но даже короткая передышка и близость цели согрели более, чем спирт, поэтому расстояния они как-то не заметили. Стас прогнал лодку сквозь затопленные кусты и причалил к высокой древней пойме, на первый взгляд мало чем отличающейся от материкового берега – темное пихтовое чернолесье с пухлыми кронами кедров, довольно ровный горизонт, слегка изрезанный руслами стока вешних вод, мягкий, как перина,

подстил под ногами да звенящая от долгого воя мотора тишина. Именно в этом месте два года назад, сплавляясь вниз по Карагачу на пластмассовых обласах, они с маршрутником Юркой кое-как протолкались по обмелевшему в межень безымянному притоку, раскопали приямок у уреза воды и отшлиховали⁸ первые пробы. Не поверив глазам своим, Рассохин отмыл еще один лоток – до десятка крупных и бессчетно мелких пылеватых песчинок на две лопаты породы!

В тот вечер он больше мыть не стал, подумал – блазнится⁹. Юрка Зауэрвайн по прозвищу Ружье наловил рыбы, сварил уху, переночевали, и за световой день, перемыв около кубометра породы из двух шурфов и береговых обнажений, разбросанных друг от друга на сотни метров, получили до сорока пяти граммов золотого песка! Когда на всех иных россыпях Карагача не более двадцати. Всегда по-немецки сдержанный Ружье прыгал от радости, ибо мечтал получить премию и съездить в гости на свою прародину – его отец был из тех пленных, кто остался на Карагаче.

Последующая разведка лишь подтвердила первоначальный полевой расчет содержания драгметалла и, в какой-то степени, подсчет запасов.

В Карагачской партии считалось, что Рассохина поцеловала богиня Удача! Хоть и сдержанно, с ухмылками, но поздравляли даже начальники и не верили, ибо смущало содержание, мол, преувеличение у молодых геологов, как у бывалых рыбаков, все надо делить на шестнадцать. И все хмуровато молчали, когда его данные подтвердились – возможно, потому они с маршрутным рабочим даже премии не получили, обязательной в том случае, если ты нашел не месторождение, а даже рудопроявление. Одной зарплаты Ружью хватало только на пропой, и, лишенный премии, он так и не поехал в Германию, скоро вообще уволился и подался в леспромхоз. Зато негласно, а в некоторых случаях и официально, с упоминанием в отчетах, стали называть безымянный приток Карагача – Рассоха, россыпь Рассошинской, и вот уже новенькую драгу окрестили тем же именем.

А это ведь что вновь открытую звезду назвать твоим именем. Конечно, если судить с точки зрения романтика...

Причалив, Стас и Женя не стали даже ставить палатку, а перекусили, разогрев по банке тушенки на костре, взяли бур геолога и пошли дырять «крышу». Хвойный лес над россыпью был еще повален зимой, частью его вывезли, а частью столкали бульдозерами в огромные бурты по границам участка. Поэтому верхний слой грунта на солнцепеке оттаял, влажный суглинок бурился легко, так что сильно пониженная в должности из-за рукоприкладства практикантка редко когда позволяла себе помочь – только если бур заклинивало галькой. Они брались за ручки вдвоем, тянули штанги, почти соприкасались щеками, но увлеченный Рассохин поначалу этого не осознавал, пока случайно не уловил запах ее дыхания.

И вдруг на минуту зазвенело и закружилось в голове, как бывает по неопытной молодости, еслихватишь спирту, но сразу не проглотить из-за перехваченного дыхания и чуть дольше, чем следует, поддержишь во рту. А он, говорят, начинает усваиваться в кровь через слизистую и сразу хмелит. После этого Стас и посмотрел на отроковицу глазами не временщика, не увольняющегося человека, коему все уже здесь обрыдло, все до лампочки и до фени, лишь бы срок оттянуть. И узрел, что глаза у нее чуть навывкате от изумления, и это непроходящее чувство ее невероятно молодит, делает юной, а горбинка на носу не уродует – красит, создавая классический профиль богини Афродиты. И тонко очерченные, припухлые губы олицетворяют не презрительность, но неумную, тайную страсть взрослой женщины, как и зовущий, манящий запах ее дыхания. На миг почудилось, что ее нежные на вид руки не бур вытягивают из земной весенней хляби – обнимают, сомкнувшись на шее до болезненного истомного стона...

---

⁸ Отшлиховать – от «шлих» – остаток частиц тяжелых минералов, получаемый при промывании рыхлых или измельченных горных пород и руд.

⁹ Блазнится – кажется, мерещится, морочит.

Рассохи́ну от сего воображения жарко сделалось, а по телу пробежала непроизвольная конвульсивная судорога, как одинаково бывает от крайней степени омерзения и неуправляемого, восхищенного восторга.

В следующее мгновение, охваченный не юношеской робостью, но мужским смущением, он встряхнулся и выдохнул из себя отраву мимолетных чувств.

– На сегодня все, – сказал, вбивая обухом последний кол. – Мы им чуть ли не центнер отмеряли.

Пробный участок специально отвели там, где было самое богатое содержание, залезли в середину россыпи, что, в общем-то, делать не полагалось, но так уж хотелось удивить высокое начальство в канун праздника Победы.

И Стас заметил, как Женя вздохнула свободно, словно он только что выпустил ее из крепких, удушающих объятий.

«Что же это такое? – с удивлением, но не без удовольствия думал он вслух, когда ставил палатку на прошлогоднее жердяное основание, заваленное свежей подстилкой из пихтолапки. – И что это значит?».

Женя тем часом хлопотала возле костра – варила царскую уху сразу из четырех нельм, поставленных стоя хвостами вверх. Скорее всего, от старания и недогляда она схватилась за закопченное ведро, а потом мазнула себя по лицу, верно, сгоняя редких еще комаров, и на лбу нарисовалась запятая. И руки у отроковицы были в саже, и даже рукава новенькой штормовки, выданной как спецодежда для ИТР. Это было смешно, и в другой раз, при иной обстановке Стас непременно бы поржал, но перед ней, взрослой, внезапно физически ощутил, как взрослеет сам, и то, что вчера показалось бы невинной студенческой забавой, сегодня совсем не веселило. Ни слова не говоря, он достал белый пробный мешочек, которыми геологи пользовались как носовыми платками, поспешил и стал вытирать ей лоб.

– Что? – спросила испуганно Женя, однако же повинувшись его руке.

– Сажа, – обронил он, вновь улавливая запах ее дыхания даже через дым костра.

Она позволила стереть запятую, и Рассохин ощутил, что это простенькое внимание ей приятно, однако Женя точно угадала миг, когда нужно уклониться от его млеющей руки.

– Уха готова, – сказала буднично и пошла умываться на золотоносную речку Рассоху.

В это время он и уловил едва слышный шорох в глубине пихтача – характерный шелест, как веткой по одежде. Тишина была – ни одна лапа на вершинах не колыхнется. Через несколько секунд звук снова повторился, причем двигался в сторону разлива, куда ушла отроковица. Стас вынул из полевой сумки казенный револьвер, проверил патроны в барабане и, крадучись, двинулся на шелест, чуть его опережая. Мягкий хвойный подстил глушил шаги, в кедровнике было темновато, свет проникал лишь в прогалы между крон, и вдруг в одном из них мелькнуло что-то серое – не понять, зверь или человек. Однако Рассохин выстрелил вверх, для острастки, будь там хоть кто: пусть знают, здесь люди вооружены и всегда начеку. Эхо приглушенного щелчка откликнулось над разливом, но все равно показалось, кто-то треснул сучком, убегая.

Назад он вернулся, когда Женя была уже на стане, и хоть выстрел слышала, но оставалась совершенно спокойной.

– За кем ты охотился? – спросила она, между делом разливая в миски уху. – За медведем?

– Глухарь в кедровнике был, – отмахнулся Стас. – Здесь ток недалеко...

– И где добыча?

– Промазал!

– Эх ты! – усмехнулась отроковица и похвасталась: – У меня, между прочим, первый разряд по пулевой стрельбе.

– Ого! А по боксу?

Она все поняла, рассмеялась и сказала с намеком, почти словами Репнина:

– Если что – узнаешь, какой!

Но он не услышал угрозы; напротив, прозвучало как зазывное предложение определенных условий игры, и это вдохновило. Рассохину так вдруг захотелось похвастаться и месторождением, и этой речкой имени себя, однако практикантка упорно ничего не спрашивала, а на созвучие его фамилии с названием драги, верно, внимания не обратила. А он ощутил яростную потребность возмужания, солидности, даже степенности, чтобы дотянуться до высот ее опыта и взрослости. И тогда он неторопко, со сдержанными чувствами, стал рассказывать байки о строптивом Карагаче, который пока еще не покорили, и то, что драга завтра может начать добычу, еще ничего не значит. Стас подремонтировал прошлогодний жердяной стол, положив на него капот от носового багажника лодки – чтоб кружки не переворачивались, и хотя ничто не предвещало дождь, натянул брезентовую крышу, поскольку старую берестяную бичи пустили на растопку. Было уютно и настолько приятно, что хотелось прожить и запомнить каждую минуту, особенно те мгновения, когда Женя слушала, забыв о пище, и глаза ее расширялись от изумления. Он же мужским, интуитивным и уже зрелым нюхом чувал, как тают льдистые забереги¹⁰ между ними, и испытывал страстное желание восхищать ее, отрывая от земли и поднимать на крыльях ввысь, чтобы у нее закружилась голова...

Он чувал, как становится ей интересен, и мысленно соглашался со старой истиной, часто повторяемой Репниным, которому было уже тридцать пять и который давно казался пенсионером.

– Запомните, отроки, – говорил Репа, – женщины любят ушами! А у опытных есть даже третье ухо. Если отроковица его напрягла, у нее открывается третий глаз. Но не во лбу, пацаны, в другом месте. И маленький, как у птички.

К этому можно было добавить, что женские уши, в свою очередь, как отраженная волна, стимулируют творческий азарт мужчины. Рассохин никогда красноречием не отличался, напротив, считал свой язык слишком наукообразным, особенно подпортив его, когда зимой писал, по сути, монографию, позже превращенную в «полиграфию». Где-то в сознании и в горле торчал колючий залом, мешающий естественному течению мысли; тут же ощутил, как его прорвало, и речь очистилась от тяжеловесного топляка.

Между тем незаметно свечерело, подул теплый южный ветер, и в примороженных руслах стока зажурчали ручьи – в чернолесной тайге таял снег. Стас все еще рассказывал о Карагаче, но и увлеченный, не терял чувства меры, не доводил до того, когда и так уже пресыщенная информацией отроковица помимо воли начнет дремать под его речь.

– На сегодня все, – вновь заключил он. – Пора спать. Завтра надо присутствовать на вскрыше.

– Но ведь еще светло! – воспротивилась она.

– Потому что белые ночи, как у вас, в Питере.

Он точно угадал момент – узрел легкое ее разочарование от недосказанного. Однако Женя послушно встала, и пока Рассохин от воровского греха подальше закатывал бочки с бензином в лес и снимал мотор, она уже в легких сумерках перемыла посуду в речке с мочалкой из сухой травы, затем на минуту пропала в палатке и уже явилась в одном купальнике, с полотенцем на плечах! Вода была еще ледяная, и от одного вида ее становилось холодно, но отроковица смело забрела по отмели выше колена и попросила ведро.

– Ты что, морж? – удивленно спросил он, подавая черпак из лодки.

– Я в Питере до декабря купаюсь, – искушенно проговорила Женя. – У нас команда на Стрелке. И это единственное удовольствие...

---

¹⁰ Заберег – лед, настывающий у берегов в заморозки.

И решительно облила себя черпаком воды, однако же уберегая волосы. Стаса передернуло от озноба, а практикантка еще трижды окатилась и выдала себя лишь тем, что слишком поспешно выскочила из разлива и принялась жестко растираться полотенцем.

– Обожаю контрасты, – с каким-то неясным намеком произнесла отроковица, сдерживая внутреннюю дрожь.

Потом она убежала в палатку, откуда через некоторое время высунулась голая рука и развесила купальник на палаточную растяжку. Воображение стремительно утрачивало романтический дух, одолеваемый не менее контрастными, шальными чувствами.

Стас посидел на корточках возле костра, высосал остатки дыма из булькающей трубки и несколько умирил страсти.

И опять ему почудился шорох в кедровнике, причем довольно близко, может быть, метрах в десяти от палатки. И сразу же отлетели прочь грешные мысли: он взвел курок револьвера и ступил в темный кедровник, куда не доставал свет белой ночи. Постоял, затаившись, и кое-как различил впереди что-то серое, лежащее на земле в пяти шагах. Вот пятно шевельнулось и передвинулось на полметра – к палатке подползал человек! Одежда лишь чуть шуршала о мягкий подстил, движения казались призрачными и замедленными, как у коалы. Рассохин поднял наган, прицелился, но глаз переключился на ствол и потерял цель. Эх, фонарик бы, который сейчас в кармане палатки!..

Стас пригляделся и вновь различил пятно, еще чуть переместившееся с прежнего места. Стрелять наугад – не известно, кто там. Если оголодавший весенний медведь, из револьвера не свалишь, а от подранка не удерешь. Вот позор-то будет! Говорили же ему опытные мужики, в том числе и Репнин – бери карабин, на что тебе эта хлопушка? Так нет ведь, револьвер казался удобнее и круче, похлестаться перед местными можно, и приискатели в Гнилой уважают. А уж полный выпендрож – это маузер, которых, естественно, в оружейке давно не осталось, разве что память, – мол, раньше, в пятидесятых, выдавали всем геологам... Что вот теперь делать? Палить в воздух? Снова глухарем не объяснишь, только отроковицу напугаешь. Подкрасться самому и, если человек, взять живым?.. Это кино, да и не приходилось никого брать, ни живым, ни мертвым...

Держа ствол наготове, Рассохин стал медленно, шажочками, приближаться, сам обратившись в коалу. И вдруг разглядел впереди линзу рябого от павшей хвои снега, оставшегося с северной стороны ветровальной колодины. Тяжелый и зернистый, он подтаивал снизу и оседал с легким шорохом. Рассохин попинал снег ногой, потом набрал пригоршню и умыл лицо...

Когда же вполз на четвереньках в тесную для двоих одноместную палатку и на миг включил фонарик, Женя уже упаковалась в свой спальник, застегнув все деревянные пуговицы. Лицо ее было розовым, расслабленным, блаженно поблескивали глаза – Афродита...

Больше он ничего не заметил, но и то, что на мгновение возникло перед взором, подчеркивало его недавнюю слепоту – как мог сразу-то не увидеть, не рассмотреть?! Почему позавчера не екнуло, а сейчас сердце выпрыгивает и одновременно лихорадит...

Подрагивая от непроходящего озноба, Стас содрал с себя свитер, брезентовые брюки и залез в ледяной мешок.

– Спокойной ночи, – сказал стылым, напряженным голосом.

Спальники были совсем рядом, впритык друг к другу, и должно быть, практикантка ощутила его дрожь.

– А мне тепло, – промолвила радостно и, вероятно, улыбнулась. – И от запаха пихты кружится голова...

«Сейчас позовет к себе!» – осенило и заставило трепетать мысли душу. Стас на миг представил, как сейчас переберется в теплый, нагретый мешок, а старого образца ватные спальники были просторные, вдвоем не тесно, и прикоснется к ее обнаженному телу – перехватило дыхание...

Женя словно услышала его мысли и холодно проговорила, враз остудив взгорячевшую голову:

– Спокойной белой ночи.

Рассохин сжался в комок, стараясь вызволить внутренний жар, перелить его в деревенеющие мышцы, затем резко расслабился – не помогло. Ему показалось – Женя уснула, не стало слышно дыхания, но через минуту она вдруг спросила совершенно бодрым голосом:

– Почему ты уезжаешь отсюда? Ты же любишь Карагач...

Это она сделала такой вывод, слушая пылкие рассказы, продиктованные совсем другим чувством – скорее всего, желанием произвести впечатление. Стас прислушался к себе и ощутил, что согревается, но сказал по-мужски сдержанно:

– Так надо, спи.

– Странно, – через некоторое время задумчиво произнесла она. – Тебя поцеловала богиня Удача, речку называют Рассохой, прииск Рассошинским... А ты уезжаешь.

Репа был мастером разговорного жанра с отроковицами и иногда восхищал тем, как мгновенно находил оригинальный, с налетом скабрёзности, ответ.

Сейчас бы он сориентировался и не раздумывая в тон ей брякнул: «Вот если бы ты меня поцеловала, Афродита!»

Но Рассохин этим изящным искусством не владел и считал, что у него «позднее зажигание» – слишком долгой оказалась пауза.

– Это кто тебе сказал? – спросил, полагая, что отроковица об этом и знать не должна. – Про Рассоху?

– В камералке отчет читала... Считаешь, уходить надо на пике славы?

– Ну да, – согласился он с подсказкой, хотя внутренне усмехнулся по поводу славы. – Англичане встают из-за стола с ощущением голода...

– Ты правильно делаешь, – после паузы одобрила Женя. – И вообще ты умница, Стас. Ты такой... необычный. Я рада нашей встрече.

Ему стало жарко! Это уже походило на робкое признание в любви.

Рассохин выпростал руку из спальника – хотел дотронуться до ее волос, но вдруг взматеревшая мужская интуиция остановила движение руки и слишком вольной мысли. Ему хотелось сказать, что он не просто рад – счастлив от всего сегодняшнего дня и теперь жалеет, что сразу не разглядел ее, не почувал зова судьбы, но теперь уже по собственной воле прикусил язык.

Репнин бы его понял и сказал бы еще одну замысловатую фразу: «Чем больше женщину мы любим, тем больше меньше она нас».

И на сей раз Стас с ним согласился, вымолвил бесцветно:

– Давай спать...

В это время рядом с палаткой послышалось разливистое скворчанье ласточки – должно быть, почувала близость людей, обрадовалась и запела, невзирая на поздний час...

– Ласточка? – Женя встрепенулась и села. – Или мне это снится?

– Не снится, – отозвался он. – Здесь они живут.

– Как у нас на даче!.. Здорово!

Репнин бы в этом случае мгновенно ответил:

– Все для тебя, дорогая!

Рассохин представил, как произносит подобные слова, и ничего не сказал.

– Лиза любит слушать, когда поют ласточки, – печально проговорила Женя. – Считает дни, когда прилетят, ведет календарь. Вообще любит все живое... Она сейчас с мамой, а я здесь... Лиза – это моя дочурка.

И вздохнула так по-матерински грустно, что словно занавес между ними задернула. Он хотел спросить, кто у нее муж, но язык не повернулся. А Женя вдруг встряхнулась и, наверное, улыбнулась.

– Вообще Лиза у меня невероятно везучая! Есть такое поверье... Еще моя бабушка рассказывала... Если поймать маленьких ежат и запереть в клетке на крючок, то мать их обязательно найдет. И попытается выволить. А чтобы откинуть крючок, ежика приносит ветку. Надо в это время затаиться и ждать. И как только придет – выдернуть ветку из ее зубов, а клетку открыть и выпустить ежат. Потом этой веткой открываются любые замки, клады. И самое главное – истины. Лиза с бабушкой и проделали это, заперли ежат и все по очереди ждали... И представляешь, ей повезло! Отняла ветку у ежихи!

– Жаль, раньше не знал, – серьезно сказал Рассохин. – У нас в деревне ежиков было!.. А что, геологу бы пригодилась такая ветка.

– Лиза у меня везучая, – удовлетворенно повторила отроковица. – Поэтому оставляю ее и не боюсь. Она только заикается немного...

– А кто у нее папа? – наконец-то нашел он способ задать свербящий вопрос.

– Папа и напугал! – произнесла с нескрываемой злостью и надолго замолчала.

Рассохин даже этому обрадовался – значит, наверняка в разводе, и тоже замолчал.

– Но откуда ласточки? – вдруг по-девичьи изумленно спохватилась отроковица. – Они же селятся всегда возле человеческого жилья?..

– Здесь стояло кержацкое поселение, – отозвался он и сел. – Полвека назад... Говорят, дворов на двадцать, прямо на россыпи. В прошлом году еще были ямы от подполов...

– Людей нет, а ласточки остались?

– Прилетают по привычке...

– Как странно и красиво: таежные ласточки... Может, чувствуют – люди вернуться? Ну не могут же они без людей!

– Могут, выходит...

– Я по утрам сильно чихаю, – вдруг призналась отроковица умиротворенным голосом. – Это аллергическое, реакция на перепад температур... Веди себя хорошо, Стас. Завтра я расскажу тебе историю про зимующую ласточку.

– А такие бывают? – спросил он.

– Бывают, – уже сонно отозвалась Женя.

Несколько минут потом он слушал ее легкое дыхание, перемежаемое восторженным чириканьем ласточек, и под эти звуки он скоро и незаметно уснул сам, хотя, казалось, ни на мгновение не терял ощущения реальности...

3

К концу второго дня Рассохин уловил сходство Лизы с матерью не только внешнее. Она оказалась достаточно скрытной и очень скупно рассказывала о себе, но даже по отдельным, случайно оброненным словам стало понятно, что сейчас она переживает кризис, в том числе и в чувствах. Ей, как и Жене Семеновой, надоело все, чему еще недавно радовалась, – Питер, работа, друзья, мужчины... И когда сбежал пятилетний сенбернар (она была уверена – поймали и съели китайцы), нахлынуло одиночество, из которого Лиза теперь стремилась вывернуться. И это, пожалуй, была основная причина, что она взялась за розыски матери.

В воскресенье вечером Рассохин собирался провожать Елизавету на вокзал, и в это время принесло Бурнашева – согласовать параметры кладоискательского аппарата ноу-хау. Увидев молодую и симпатичную, он тут же встал в стойку, потом засуетился, дамский угодник принялся отвешивать комплименты, разбавленные прозрачными намеками на их со Стасом отношения. И не ведая, кто она и зачем приезжала, даже задержать пытался, дескать, не боишься оставлять такого мужчину одного? Пока едешь в свой Питер, уведут, за Рассохиним глаз да глаз нужен. Видишь, какой молодой? В общем, натрепал ворох слов, ввел в смущение Елизавету, разозлил Стаса и увязался с ними на Ленинградский вокзал.

А Рассохин решил перед самым расставанием все же открыть Лизе свою тайну, рассказать про многолетние мучительные сомнения, и про то, что мама ее все же не отличалась кротким нравом и целомудренностью. В общем, рассказать все как есть, чтобы вызвать у нее антипатию, неприятие, отторжение – отрицательные чувства, которые бы враз отменили мнимые надежды на будущее, пусть даже дружеские отношения. Он был уверен: Лиза ужаснется, услышав, как он стрелял в ее мать, и не захочет больше ни звонить, ни приезжать.

Бурнашев спутал все планы, ибо на вокзале от Лизы не отходил и что-то долго нашептал на ушко, когда садили в вагон. Потом поцеловал ручку, погрозил пальцем и, когда поезд тронулся, повертел им же у виска.

– Зачем отпустил, кретин? Такая женщина! А как на тебя смотрела! Надо было брать с ходу!

Бурнашев знал о Жене Семеновой лишь то, что было связано с кержацким кладом, а делиться делами сердечными Рассохин не собирался, да и случая не было.

– Она у тебя ночевала? – с пристрастием допрашивал он. – Ну и как?.. Ничего, или?.. Она вообще кто? И ведь промолчал, хрен моржовый! Праведник! Испугался отобью?.. А хороша! Давно таких не встречал!

– Это дочь Жени Семеновой, – признался Стас, чувствуя, как нереализованное желание исповеди подпирает горло.

– Той самой? С которой загорали? – блеснул Бурнашев памятью и глазами. – Во история! Ну и что? Мамка была старше тебя, а эта моложе. Как раз!.. Не комплексуй, балбес! У тебя же с мамкой ничего не было? Да если бы и было!..

– Я убил ее.

– Кого ее?

– Женю Семенову. Мать Лизы.

– То есть как убил? – ошалел Бурнашев. – Ты что мелешь?

– Из трехлинейки, в упор...

– Ты серьезно или прикалываешься? Рассказывай!

– Потом как-нибудь...

– Нет, заикнулся – говори!

– Не среди улицы же! – Рассохин огляделся. – Поедем на Карагач, там расскажу. Даже место покажу.

– Вот это праведник! – нарочито ужаснулся Кирилл. – Ничего себе заявления! И что? Срок отсидел?

– В том-то и дело, что нет... Ты хоть Саше не говори. Понимаешь, я сам до сих пор не уверен. Иногда накатит, думаю – наяву стрелял, а иногда сомнения, будто во сне видел. Уголовное дело возбуждали... Потом всю жизнь убеждали, будто мне это пригрезилось в бреду. Но убить хотел точно, это помню. И все, больше ни слова!

Бурнашев забыл даже, зачем приходил, нерешительно помахал рукой и стал спускаться в метро. Рассохин тоже забыл и вспомнил, когда ехал в троллейбусе, – согласовать параметры прибора.

Привычная еще со студенческих времен болтовня Бурнашева неожиданным образом вдохновила Рассохина, вернее, сняла некое табу, вставшее сразу же между ним и Лизой; невзирая на сходство, он вдруг перестал воспринимать ее как дочь Жени Семеновой – разъединил их, развел в разные стороны, и образ матери враз отдалился, а дочери – приблизился, перевоплотившись в другую, ни на кого не похожую, неповторимую и реально существующую женщину. Стас был даже благодарен Бурнашеву, что тот не дал возможности рассказать Лизе историю тридцатилетней давности, которая теперь уже казалась совершенно реальной.

Два дня, проведенные вместе, неожиданно и незаметно размыли, прорвали долгое ощущение собственной ненужности, пустив сознание по новому руслу, когда живешь в постоянном ожидании чего-то необычного: кажется, вот-вот отыщется все, что когда-то растерял, и это уже не будет мистикой либо чем-то фантастическим – как-то иначе стала восприниматься действительность.

Утром Лиза позвонила из Питера и после общих слов, вдруг называя на «ты», внезапно сказала фразу, заставившую его встрепенуться:

– Теперь знаю, я на свете не одна. Я верю, мама жива. Знаешь, что я хотела сказать, перед тем, как сесть в поезд? Но твой друг не дал...

– Что?

– Хотела сказать: это хорошо, что между тобой и мамой ничего не было. Иначе бы встал барьер. Теперь его нет!.. А я везучая!

Засмеялась и положила трубку.

Вечером она позвонила снова, уже с домашнего телефона, и они проговорили около часа, но уже почти не вспоминали прошлое – рисовали будущее, правда, каждый свое, но Лиза внезапно с женским просительным капризом сказала:

– А мне можно поехать с тобой в экспедицию?

– В качестве кого? – спросил Стас. – Вот если бы ты была специалистом, например, по древнерусской литературе. Или антикваром-оценщиком.

– Хотя бы поварихой!

– Мы сами готовить умеем.

– Ну неужели никак нельзя?

И тут Рассохина осенило:

– Можно. Только право участвовать в экспедиции придется заработать.

– Я готова! – воскликнула она. – Что нужно сделать?

– У вас в Питере есть профессор Дворецкий. Судя по всему, человек очень тяжелый. Он нам гадит всячески, пишет жалобы. И мы не можем получить разрешение в министерстве. Надо с ним познакомиться и узнать, отчего он такой злой. И сделать его добрым. У тебя получится.

– И это все?

– Мало? Тогда еще придется поработать в архивах.

– Исполню на счет «раз»! – вдохновенно и легкомысленно пообещала Лиза. – И тогда ты меня возьмешь?

Он еще не знал, какие слова и причины найдет, чтобы объяснить товарищам по экспедиции столь оригинальное решение – взять единственную женщину в мужской коллектив, но ответил не задумываясь:

– Возьму.

И позже, задним умом, отыскал аргумент: Лиза поедет не клады копать, а посетить места, где когда-то была мать, возможно, поискать ее следы – в общем, святое, неоспоримое дело.

На следующий день он отправился сначала в архив университета геодезии и картографии, наивно полагая, что там сохранились карты позапрошлого века с нанесенными на них старообрядческими поселениями. Карты были, причем весьма подробные, однако район Карагача представлял одно сплошное белое пятно – ни единого населенного пункта, за исключением Усть-Карагача да двух-трех охотничьих зимовий. Заручившись письмом ректора, Рассохин отправился в архив всезнающей и всемогущей организации – КГБ, где впервые услышал о селении кержаков, но никаких документов ему не показали, ссылаясь, что они есть в местных областных хранилищах и запасниках музеев. И еще посоветовали поработать в архивах Патриархии, де-мол, староверы – категория религиозная, можно сказать, противники современной православной церкви, и там наверняка сохранились исторические документы – следили же они за своими оппонентами.

Две недели, урывая время между лекциями, Стас рылся в папках «единиц хранения», проверял всякое упоминание о кержаках и их расселении в Сибири, и оказалось, что в открытых московских архивах ничего конкретного по Карагачу нет и искать надо в областных, на местах. У Рассохина руки опустились: вырваться даже на три дня, чтобы слетать в Новосибирск, Тюмень или Красноярск, было невозможно, и грядущее лето следовало посвятить не поиску кладов с книгами, а розыску информации по местоположению скитов.

После откровений на вокзале Бурнашев вопросов не задавал, однако стал смотреть на Рассохина как на больного, с неким состраданием. Он уже спаял аппарат, теперь проводил его настройку и испытания, закапывая в землю бочку с учебниками, старыми подшивками газет и кусками меди. Получалось очень даже неплохо: прибор хоть и был громоздким – для управления требовалось два человека, – но зато сканировал полосу в три метра и почти на два в глубину. Только вот искать еще было нечего... В Москве раздобыть информацию по карагачским скитам не удалось, в питерских архивах, где Елизавета зарабатывала право участвовать в экспедиции, тоже ничего существенного не было – везде кивали на регионы, мол, подобные малоценные материалы обычно хранятся там.

Стало понятно, что нужен еще один человек – вольный, ничем не обремененный казак, и Бурнашев предложил задействовать своего соседа, милиционера Галицына, розыскной опыт которого сейчас был кстати. Тем паче полковник был отчасти посвящен в замыслы, поскольку плотно, на житейском уровне общался с Кириллом и назойливо предлагал свои услуги. Много в нем годилось для предстоящего авантюрного мероприятия: пенсионер сорока восьми лет, прожженный опер, комбинатор и плюс к этому занимался зверовой охотой, рыбалкой, не боялся тайги и гнуса, мог спать у костров и единственный из всех имел весьма положительный опыт кладоискательства – у себя на дачном участке откопал уже с десятков екатерининских монет. Но то ли по природе, то ли от долгой службы в органах полковник любил похвастаться: чего стоило одно утверждение, будто полковник из рода князей Голицыных, мол, при Советской власти одну букву изменили. Иногда так и представлялся. Глядя на отца, сын его, Роман, тоже возомнил себя князем и, несмотря на молодость, со старшими вел себя высокомерно и снисходительно: через две минуты после знакомства стал называть Рассохина Стасом, а еще через три, узнав, что тот доктор геолого-минералогических наук, – «геолухом». За это пришлось оттянуть ему нос и сделать яркую «сливу» в присутствии отца. Парень на вид был крутой, горячий, но кожа у него оказалась нежная, как у девушки. Галицын, правда, извинился за отпрыска и построился на него, но отношение уже сложилось к обоим «князьям». На про-

верку оказались Галицыны до седьмого колена крестьянского рода, да ведь старший всю жизнь намекал на свое благородное происхождение и получал дивиденды в виде незаслуженного уважения – приятели, в том числе и Бурнашев, и вовсе именовали его Князем, будучи уверенными, что это так на самом деле. А еще Галицын не по-княжески был говорлив, пристрастен к дармовщине и, будучи разведенным, не очень-то разбирался в женщинах и даже не брезговал услугами проституток, о чем не стыдился рассказывать.

Можно было бы простить ему многие слабости, но больше всего смущала Стаса темная житейская история Галицына, рассказанная его гарантом Бурнашевым. Жена полковника назанимала денег под проценты, создала что-то вроде «пирамиды» и скоро купила новую квартиру, джип мужу, дачу и даже свозила его в Индию, однако в результате села за мошенничество на долгий срок. Он же, многоопытный опер, будто бы оставался в неведении и даже не догадывался, чем занимается супружница и из какой тучи проливается на него эдакая благодать в полуголодные девяностые. Таким образом он не только остался на свободе, но и выслужил положенный срок, получил даже наградной пистолет за усердие и приличную пенсию. Правда, квартиру, автомобиль и прочее барахло отняли в счет погашения долгов, но дача, записанная на кого-то из знакомых, сохранилась. И вот, мол, от пенсионной скуки Галицын купил металлодетектор и, прозванивая свой участок, где теперь жил постоянно, обнаружил монеты, крестики, пряжки и прочую историческую мишуру.

История эта насторожила и озаботила Рассохина, однако Бурнашев стал просить за него, дескать, пропадает мужик, мается, не знает куда себя деть, ведь друзья растерялись, как только уволился из органов. Кроме того, вот-вот должна прийти из заключения жена, с которой он заочно развелся, и можно представить, какая у него начнется жизнь. И так уже пишет из лагеря угрожающие письма, мол, дачу отниму и вышвырну на улицу, за все ответишь. Выпивший полковник иногда становился откровенным и жаловался Бурнашеву, грозил застрелиться из наградного пистолета, ибо смысл жизни утратился вместе с потерей имущества и полковничьего положения – и во всем виновата жена-стерва, а Кирилл как многоженец его оправдывал.

Стас не соглашался брать Галицына и стоял до конца, но оригинально мыслящий Бурнашев был еще тот хитрован. Он отдал решение на откуп третьей стороне, коим сам назначил молодого участника экспедиции, и, главное, финансирующего Колюжного. Рассохин Славке доверял и согласился, а тот выслушал обе стороны и рассудил, что Галицын – самая подходящая кандидатура, и его качества пройдохи, оперативный нюх, умение быстро находить контакт как нельзя кстати.

Колюжный, получивший второе высшее образование в Англии, вообще не усматривал в истории полковника чего-либо предосудительного, ссылаясь на время, обстоятельства и смену нравов. В общем, Рассохина убедили, и Галицын, усвоив подробный инструктаж, что искать в архивах, вылетел в дальнюю точку – Красноярск, чтобы оттуда уже передвигаться на поездах по сибирским областным городам. Через несколько дней от него пошла положительная информация по верховьям Карагача. Самое интересное он сначала пересылал по факсу, но скоро материалов у полковника накопилось столько, что в этом потерялся смысл. Пронырливый опер спокойно попадал и в закрытые архивы, причем умудрялся выносить и копировать подлинники – без разбора, все подряд, следуя инструкции брать все, где есть упоминание о сибирских старообрядцах, местах их расселения и образе жизни. Вникать в смысл документов у него не было времени, да и специальных знаний явно не хватало. За двухнедельный вояж по городам полковник раздобыл полпуда всевозможных копий материалов – от дознаний жандармского управления до периода коллективизации в тридцатых годах прошлого века и, вернувшись, чувствовал себя героем.

Рассохину потребовался месяц, чтобы бегло прочитать все эти документы и на основе их составить карту со всеми скитами, поселениями и монастырями на Карагаче по состоянию на тридцатый год – далее их судьба резко обрывалась. Но сразу же встал вопрос разведки на мест-

ности, которую провести можно быстро и без особых затрат только весной, по высокой воде. За тридцать прошедших лет на реке могло многое что измениться, начиная от растительности, новых заломов и сор до направления русла и образования островов и прорв. Самое главное, что требовалось выяснить на месте, – какое, где и сколько населения обитает нынче по Карагачу, есть ли магазины и бензин, как относятся местные к пришлым, тем более к таким, кто что-то копает, достает и отправляет.

У Рассохина с Бурнашевым еще не закончился учебный процесс, в начале июня надо было принимать экзамены, Колюжный положил необходимые на экспедицию деньги на пластиковую карточку Рассохина и укатил в Бразилию до конца мая. И опять, как ни крути, вольным и подходящим оставался лишь Галицын. Вдохновленный первой успешной командировкой, он не только возгордился, можно сказать, вполне заслуженно, а стал замучивать советами, как следует организовать поиски и раскопки кладов, где в первую очередь искать и, судя по напору присущей ему безапелляционности, пытался поставить себя если не на первую, то уж точно на вторую роль, подминая под себя Бурнашева. А бизнесмена Колюжного он и вовсе сразу невзлюбил и даже попытался убедить Рассохина отказаться от его участия. Мол, этот денежный мешок нам не нужен, я готов продать дачу, все равно бывшая жена отнимет, или можно взять кредит, чтоб финансировать экспедицию. Сам же, отчитываясь за первую командировку, предъявил к оплате даже билеты для проезда на городском транспорте, все до единого, хотя хвастал, что как пенсионер МВД ездит бесплатно.

Все это сильно смущало Рассохина, ибо столь рьяное поведение могло вызвать раздор еще «на берегу» или еще хуже – посеять семя, которое прорастет на Карагаче. Плюс ко всему никто из участников даже не догадывался, что будет в экспедиции еще один участник – женщина, которая сейчас обрабатывала профессора Дворецкого и вела розыски в питерских архивах. Только по этой причине Стас не хотел отправлять полковника в разведку и давать ему возможность зарабатывать дополнительные очки, опасаясь, что он этим впоследствии непременно воспользуется. В любой экспедиции, как в тоталитарной партии, прежде всего должен быть единственный и непререкаемый вождь. Все остальное от лукавого.

Однако время поджимало, на Карагаче начиналась пора ледохода, соваться же без разведки – потерять время, деньги и надежду на успех. Рассохин стоял до последнего, ставя на кон даже свою работу в институте, но когда получил решительный отказ ректора дать отпуск за свой счет, вынужден был опять согласиться и послать Галицына. Самым весомым аргументом послужило то, что Галицын умел читать карты, хорошо по ним ориентировался, имел все прививки от клещевого энцефалита и наградной пистолет. А соваться весной в карагачскую тайгу, когда из берлог только что встали медведи, злые еще от бескормицы, неопытному и безоружному человеку довольно опасно.

В общем, Галицын вылетел в Сибирь еще в конце апреля, получив все рекомендации, инструкции, наставления и космический телефон Колюжного. Провожая его в аэропорту, Стас разглядел сквозь стенку рюкзака, откуда торчали телескопические удилища, очертания рамки металлоискателя – а был уговор, что все поисковое оборудование отправят машиной вместе с резиновыми лодками, моторами и прочим снаряжением.

– Это тебе зачем? – спросил Рассохин и постучал по рамке.

– Я с ним теперь не расстаюсь, – заявил полковник и полез доставать прибор, желая похвастаться. – Это моя самая клевая удочка!.. Сейчас, погоди... Полторы штуки баксов отдал!

– Оставь, я в них все равно ничего не понимаю, – махнул рукой Рассохин. – Но ничего не копай.

– Да я в разведку! Ну и аппарат испытаю. А то Кирюха напаял какую-то хрень, не утащить.

Галицын благополучно добрался до Усть-Карагача, где еще была мобильная связь, сообщил, что Юрку Зауэрвайна не нашел – где-то в Кемерово живет, но зато познакомился с его земляком, участковым, и совсем недорого арендовал лодку с мотористом по фамилии Скура-

тенко, закупил бензин, продукты и теперь ждет окончания ледохода и половодья. Кроме того, провел некие разведмероприятия в местной милицейской среде и выяснил, что по всей реке вплоть до Гнилой Прорвы – а это километров сто двадцать если по прямой (по кривой чуть ли не в три раза больше) – нет ни единого живого человека, впрочем, как и мало-мальски обжитого места. Все охотничьи избышки пожгли еще лет пятнадцать назад с ведома администрации лесной зоны, бывшей тогда в районе Кривозаломского урочища, дабы лишить беглых зеков пристанища во время побегов. Потом обе зоны, в том числе и женскую, ликвидировали, и будто бы от таежного пожара сгорел лагерь вместе с мертвым покинутым людьми поселком золотодобытчиков в урочище Гнилая Прорва. Авиалесоохрану разогнали, парашютистов уволили, и теперь лесные пожары никто не тушил. Но этой зимой некая китайская фирма готовила березу, поэтому выше урочища по зимнику завезла два вагончика для отдыха лесорубов, где сейчас оставлен сторож при валочной и трелевочной технике. Там есть запасы продуктов, бензин и даже радиосвязь. А еще выше, в предгорной части Карагача, на Сухом Заломе, и в самом деле живут две семьи, но промышленяют теперь не охотой, ибо пушнина очень дешевая и никому не нужна, а сбором дикорастущих трав и пчеловодством, для чего в горах с альпийскими лугами поставили свою основательную базу – пасеку, омшаник¹¹ и две зимние хозяйственные постройки.

Собранная информация была очень ценной, поскольку за последние тридцать лет Рассохин ни разу не был в местах своей молодости и не имел представления, что сейчас творится на Карагаче. Галицын упорно зарабатывал очки.

Во второй раз он звонил уже с космического телефона, но все еще из Усть-Карагача. Сообщил, что ледоход в низовьях прошел, вода поднялась на несколько метров, но в верховьях еще не начинался, поскольку в горах, откуда река брала начало, плохо тает снег. Однако уже сейчас, по заверениям моториста, можно спокойно подняться до Красной Прорвы – это, считай, четверть пути, и там подождать пару дней, пока с гор не пойдет большая вода. По расчетам Галицына, прокатиться до Сухого Залома и обратно можно всего за восемь дней, учитывая все остановки и ночевки. Срок, в общем-то, вполне реальный, ибо в половодье опытные мотористы «резали» меандры¹² по затопленной пойме и объезжали заломы, сокращая расстояние раза в три-четыре. Рассохин дал добро на выезд – вероятно, полковнику уже не терпелось скорее тронуться в путь, однако он позвонил еще раз, на следующий день, и сказал, что получил новую, странную информацию: будто бы интересующий участок земли в низовьях Карагача, близ Коренной Соры, где в двадцатых годах было скрытное поселение старообрядцев, находится в аренде у приезжего в те края частного лица – некого Сорокина. Будто он взял несколько гектаров молодого кедровника для орехового промысла и два пойменных озера для разведения карпов.

И все – сроком на сорок девять лет.

Рассохин хорошо помнил это место и, даже не будучи специалистом по разведению рыбы, понимал полную бессмысленность такого занятия на Коренной Соре. Во-первых, добраться к этим озерам можно лишь в половодье на водомете или зимой, пробив тракторную дорогу от Усть-Карагача; во-вторых, как можно запускать малька и выращивать карпов, если водоемы пойменные и каждую весну попадают под разлив? В озерах щучья – веслом не провернуть, и тут либо его выловить, что практически сделать невозможно, либо станешь кормить запущенной молодью хищников. Точно так же и с ореховым промыслом: на старых вырубках лесхоз сажал кедр в семидесятых, и по-настоящему плодоносить он начнет как раз через полвека.

---

¹¹ Омшаник (зимовник) – утепленное помещение для зимовки пчел.

¹² Меандры (от «Меандр» – греческого названия реки Большой Мендерес в Турции, отличающейся обилием извилин) – нарицательное название для обозначения речных излучин.

Нелепица какая-то. Или этот Сорокин опередил, точно зная, что может находиться в арендованной земле: по закону о собственности теперь он был вправе распоряжаться всем, что есть на этой территории. Кроме недр, разумеется...

Стас посоветовал полковнику посмотреть на месте, что к чему, возможно, поговорить с арендатором, если такового разыщет, а сам уже во второй раз принялся изучать копии архивных документов, где ему однажды мельком уже попадалась фамилия Сорокина, но особого внимания тогда не привлекла. Это могло быть простым совпадением, однако Рассохин уже во всем теперь усматривал скрытые закономерности.

Добытые Галицыным материалы он разделил на две части – до- и послереволюционные, чтобы не утонуть в их обилии и разноплановости. Особенно скрупулезно бывший милиционер копировал дела жандармского управления и полиции, которые к старообрядческим поселениям на Карагаче отношение имели косвенное, поэтому Рассохин в первый раз их только пролистывал, выхватывая глазом географические названия и реже фамилии. Сейчас он делал то же самое, но осознанно, и отыскал жандармского штаб-ротмистра Сорокина довольно скоро. Вероятно, тот руководил некой специальной операцией, которую проводил генерал корпуса жандармов Муромцев на территории Южной Сибири, давал задания и принимал сообщения от филеров, наблюдающих за передвижением староверов толка непишущихся странников, и более всего сам входил в среду старообрядцев и вел какие-то розыски. Было непонятно, с чем связано столь пристальное внимание жандармерии к бродячим, бездомным кержакам в районе Карагача, которые ходили с Урала до Дальнего Востока; не хватало некоего важного звена, объясняющего, с какой целью Сорокин, изображая богатого странствующего старовера, сам ходил по скитам и под видом страждущих и убогих готовил и засылал в скиты и поселения своих шпионов. Потом же, на основании своего опыта и их доносов, составлял подробные, многостраничные отчеты, адресованные генералу в Петербург, но осевшие почему-то в Омском жандармском управлении.

Конечно, сибирские старообрядцы всегда испытывали враждебность к царскому режиму и никонианскому миру, однако же никого не трогали, в бунтах и революциях не участвовали, листовок не разбрасывали, а тихо жили в своих тайных таежных схоронах. Несколько раз филеры докладывали, что странники-староверы выносят из тайги добытую кержаками пушнину – в основном шкурки соболей, колонков и горностаев, – которую потом по своим каналам переправляют богатым московским купцам-единоверцам. Дважды в отчетах фигурировали изделия из золота и серебра, отнятые у странников во время задержания. То есть причина слежки могла быть экономической, однако в отчетах Сорокин лишь упоминал о контрабандной пушнине, а все свое внимание акцентировал на выявлении связей странников с карагачскими поселениями кержаков и, скорее всего, пытался установить их местоположение.

И только прорабатывая эти документы в третий раз, Рассохин наконец-то отыскал логические неувязки и пробелы. Мало того, нашел множество недостающих страниц, изъятых из жандармских дел, прошитых, пронумерованных аккуратными чиновниками управления и скопированных Галицыным. Пропустить их или смошенничать полковник не мог, ибо вынесенные из архива бумаги не читал, некогда было, а тупо пихал в ксерокс, приобретенный для этой цели, и бежал с оригиналом в архив. То есть получалось, что очень важные, объясняющие логику поведения Сорокина страницы изъял кто-то раньше. Скорее всего, это был сам жандарм, возможно, накануне Февральской революции или сразу после нее: последние донесения филеров были датированы концом шестнадцатого года.

Разумеется, надо было еще раз заново перечитать все документы, чтобы найти некие намеки, отзвуки тщательно скрытой цели слежки за толком молчунов, сделать запросы и установить, имеет ли родственное отношение жандарм Сорокин с арендатором Сорокиным, однако текущие события начали развиваться неожиданно и стремительно.

В очередной раз Галицын связался с Рассохиным, когда пробился на лодке сквозь Коренную Сору к высокой террасе, на которой когда-то и было поселение. Он обнаружил очищенный от мелкоколосья пятачок, кучу нарубленных жердей, старое кострище, колышки от палатки, десяток стреляных гильз от автомата или карабина СКС и покосившийся, верно, поставленный прошлой весной, аншлаг¹³. На крашеном жестяном квадрате было написано, что урочище Коренная Сора принадлежит «ООО Кедрь Рода» на правах долгосрочной аренды. Рассохин попросил сделать фотосъемку остатков становища, если таковые имеются, – ямы от подполов, хорошо зримые, пока нет свежей травы, контуры поселения, особые приметы, по коим можно опознать место в буйстве зелени и продолжать маршрут. Впереди еще было два десятка подобных кержацких станом и скитов, вернее, оставшихся от них следов на таежной земле, и то, что первая оказалась занятой, большого значения не имело. Полковник должен был в тот же день добраться до Красной Прорвы и там встать на ночлег, чтобы с утра обследовать высокий материковый берег, мысом выдающийся к реке, а с тыльной стороны отрезанный залитыми сейчас верховыми болотами. Место, прямо сказать, прекрасное в отношении ландшафтов, но недоступное, полностью отрезанное от мира, пожалуй, месяцев одиннадцать в году. О результатах Галицын обещал доложить, однако не позвонил ни в назначенный день, ни на следующий.

Рассохин не паниковал и поначалу думал, что возникли проблемы со связью: если для Колюжного космический телефон был чем-то вроде зажигалки, то для полковника, привыкшего к милицейской рации и едва освоившего мобильник, малейший пустяк мог оказаться роковым. Например, забыл выключить питание и посадил аккумулятор или по неосторожности уронил в воду, нажал не ту кнопку, заблокировал клавиатуру и теперь не может разблокировать. В любом случае Галицын, зная задачу, поднимется до Сухого Залома, разведает и снимет все точки и через восемь – десять дней вернется в Усть-Карагач, откуда можно звонить по сотовому. Однако полковник объявился раньше. Позвонил сначала Бурнашеву, потом Рассохину, говорил восторженно и взахлеб, описывал красоты реки и Сибири, мол, познакомился с удивительными людьми, которые тайно живут на Карагаче, себя называют общиной, и это в основном женщины – где-то около сорока человек, а мужчин с ними всего дюжина, да и те какие-то малахольные. Мало того, полковник наконец-то встретил женщину, о которой всю жизнь мечтал и теперь вообще готов остаться здесь навсегда и прожить еще одну, богатую и содержательную жизнь.

И при этом торопил, чтобы приезжали скорее.

Стас Галицына знал плохо и оценить его столь неожиданное поведение не мог, но Бурнашев, живший с ним по соседству много лет, от восторженных речей полковника таращил глаза, недоуменно дергал плечами и не мог даже вообразить, чтоб циничный, искушенный человек так проникся романтическим духом и как подросток разинул рот от восхищения.

– Ты во что меня втравил? – вдруг спросил Бурнашев. – Что за дурдом?

– Я тебя втравил? – возмутился Рассохин. – А кто от жены собирался отдохнуть? Кто вообще придумал эту экспедицию? Кто автор идеи?

– Нет, я про то, что Карагач – место какое-то...

– Какое?

– Там люди конкретно дуреют! – рубанул Кирилл. – Я еще не отошел от твоего заявления на Ленинградском вокзале!.. Ну, по поводу убийства. А тут на тебе – мент с роликов соскочил! Там хоть что, на твоём Карагаче? Аномалия?

– На нашем Карагаче...

Бурнашев опомнился и слегка умерил пыл:

– Слушай, что там творится? Ничего не понимаю...

– Я не хотел посылать туда Галицына – ты настоял.

---

¹³ Аншлаг – щит с пояснительной надписью, установленный в лесу.

- Теперь я виноват!..
  - Аппарат отдай и сиди под юбкой своей Сашеньки!
  - Ну уж хрен! – захорохорился Бурнашев. – Мне теперь просто интересно, отчего там крыша едет! Даже у ментов!
  - Он не прикидывается?
  - Кто? Галицын? Да ну!
  - Может, дурака валяет из конспиративных соображений?
  - Я бы это понял! В том-то и дело, что говорит натурально!
- Но это было лишь начало.

Еще через пару дней Галицын позвонил Колюжному, которого еще недавно терпеть не мог, и предложил немедленно выезжать на Карагач со всем экспедиционным оборудованием, де-мол, пусть «деды» канителются и кряхтят, мы с тобой начнем поиск и раскопки, пока большая вода. И опять расписывал красоты местных ландшафтов и женщин. Короче, завлекал навязчиво и грубовато.

Рассохин ощутил назойливую и саднящую, как лопнувшая мозоль, тревогу. Снова сошлись на тайную от жены Саши сходку с Бурнашевым, посоветовались, позвонили в Бразилию и решили, что отвечать за все придется все-таки Стасу как инициатору и знающему местные условия и нравы человеку. Закончив все формальности в министерстве и не дожидаясь конца занятий и экзаменов, он должен написать заявление об уходе и выехать на Карагач. Остальные выдвинутся после того, как освободятся и получат добро от Рассохина.

Он же не просто не жалел работу, коллектив, а жаждал избавиться от обузы каждый день приводить себя в порядок и ходить в институт читать лекции. Его подмывало тотчас бросить все и лететь в Сибирь, но он все-таки решил дождаться решения Министерства культуры, где пока что безуспешно хлопотал выдачу разрешительного письма на проведение экспедиции. Ехать дикими черными копателями Рассохин не собирался, и не потому, что был настолько аккуратным и законопослушным; важно было получить хоть какой-нибудь статус, способный прикрыть его и от местных властей, и от археографической науки, перед которой еще в марте он раскрыл свою концепцию и замысел предстоящей экспедиции. И получил неожиданный резкий и ничем не обоснованный отказ в согласовании, а чуть позже – запрет производить любые работы на территориях бывших староверских скитов и поселений. Строгие бумаги подписал уже знакомый по научным работам профессор Дворецкий, будто бы самый авторитетный ученый в области археографии в Питере. Мало того, он еще написал письма в Академию наук и Генеральную прокуратуру, в которых заклинал не пускать Рассохина на Карагач, и совершенно необоснованно подозревал его во всех смертных – дескать, он выкопает древние бесценные книги и продаст с аукциона за рубежом.

Елизавета уже более месяца обхаживала этого Дворецкого, но результатов пока не наблюдалось. Она довольно просто с ним познакомилась, разыскав профессора в университете, где он преподавал. Побеседовала, показав редакционное удостоверение и представившись журналисткой, что отчасти было правдой, и он среагировал положительно. По крайней мере, не обласканный прессой, с удовольствием рассказывал о своих трудах, концепциях и взаимоотношениях с Академией наук, показывая пачки писем. Впечатление у Лизы складывалось удручающее: Дворецкий, скорее всего, по природе был склочный и склонный к интригам человек, конфликтовал с коллективом, всюду писал жалобы, однако при этом и в самом деле был непревзойденным специалистом-археографом, знатоком жизни и культуры сибирских старообрядцев и автором неких концептуальных версий относительно письменного наследия Кушанского царства и Древней Руси, которые шли вразрез с официальной наукой. Иногда его привлекали в качестве эксперта, если хотели погубить что-нибудь новое и непонятное, что, собственно, и произошло с запиской Рассохина, попавшей в руки Дворецкого.

- Ты знаешь, что такое Стостест? – спросила однажды Лиза.

– Не имею представления, – признался Рассохин.

– А собрался на Карагач клады копать! Стовек – это какая-то древняя книга, которую всю жизнь ищет профессор.

– И пусть ищет, главное, чтобы нам не мешал!

– Ты не понимаешь, это уникальная древнейшая рукопись. Точнее, список с еще более древней! И он попал к нам в Россию.

– Знаешь, Лиза, искать книги для меня не самоцель, – признался он. – Просто очень хочется побывать на Карагаче. Но без заделья не могу, я не турист, чтоб просто красотами любоваться.

– Кстати, а я и вовсе хочу просто посетить места, где исчезла мама. И поискать ее следы.

– Тут наши дорожки и сошлись!

– Между прочим, Михаил Михайлович очень интересный человек, – вдруг заявила Лиза, хотя еще недавно утверждала обратное. – Только его не понимают. Он такой рассказчик и столько знает! Он меня опять так увлек историей!..

– Особенно-то не увлекайся, – проворчал Стас. – Я ревную.

– Да ты бы его послушал! Оторваться невозможно. Поэтому студенты его любят. Он блестящий импровизатор!

В министерстве Дворецкого знали и серьезно к нему не относились – упоминали о каких-то его невероятных версиях и проектах, которыми он заваливал чиновников, Академию наук и Госдуму, к тому же требуя денег на реализацию своих замыслов. Однако и предложение Рассохина с подачи профессора встретили неоднозначно: не знали, к какой категории отнести – к археологии или археографии? Можно и нужно ли выдавать Открытый лист на проведение работ хоть и ученому, доктору наук, но совсем из другой сферы – геолого-минералогической? Его записку носили по кабинетам, обсуждали, во многом соглашались с автором, иные считали авантюрой и профанацией, а некоторые все же искренне хотели помочь, тем паче Станислав Иванович не просил ни одной государственной копейки. Это и послужило основанием решить вопрос положительно, предварительно разделив шкуру неубитого медведя – взяли суровую расписку, что все найденное в кержацких кладах Рассохин в обязательном порядке сдаст Академии наук, и нашли компромисс: выдали такое изощренное хитросплетение слов и фраз, что можно легко отбрехаться в случае чего – в общем, отписку, ничего не запрещающую, однако же и мало чего разрешающую.

Добиваться конкретики уже было некогда, поскольку из Усть-Карагача последовал неожиданный звонок, на сей раз от местного участкового милиционера по фамилии Гохман, которому предусмотрительный полковник оставил телефон Бурнашева с просьбой позвонить, если он не вернется к сроку.

Неподалеку от Усть-Карагача в залом прибило дюралевую лодку, на которой Галицын с мотористом Скуратенко ушли вверх по реке. Мотора не было, вещей тоже, а сама лодка прострелена и порублена топором. Бурнашев расспросил участкового, ведется ли розыск пропавших, какие меры принимаются, но тот согласно знакомым карагачским нравам заявил, дескать, у нас тут закон – тайга, медведь – прокурор. Мол, ваш московский полковник больно шустрый был, да и Скуратенко лихой парень. Должно, нарвались на кого со своим гонором и обоим пришел кирдык. Искать их теперь не на чем, исправных моторов нету, бензина нету, вертолетов уже двадцать лет в глаза не видели. Вещдок – простреленную лодку – и то не на чем вывезти с реки, грузовиков нет. Дескать, факт пропажи людей зафиксировали, может, еще сами объявятся. Хотя теперь уж вряд ли: вода нынче дурная, и добро, если в межень прибьет к залому. А в пойму утащит, так зверь на тухлятину выйдет, пожрет...

После таких известий Рассохин в тот же день написал заявление об увольнении, собрался и вылетел в Сибирь.

4

В тридцатом году прошлого века ясным летним днем над Карагачем пролетел первый аэроплан, немало перепугав тогдашнее кержацкое население. Гонимые скитники однозначно решили, что железная тарахтящая птица в небе появилась как предвестник конца света, и стали к нему готовиться. Тогда они еще не знали, каким он, конец, будет, посему наделали себе домовин, в том числе и малым детям, и с той поры спали в них, скрестив на груди руки и прочитав на сон грядущий заупокойную.

Однако светопреставление началось только зимой, когда на реке встал прочный лед и открылся санный путь. Специальный отряд НКВД, сопряженный с представителями местной власти, приступил к ликвидации последних лежбищ недобитых белобандитов, нашедших пристанище в потаенных старообрядческих скитах, монастырях и поселениях, разведанных летом с аэроплана. Это была официальная версия того карательного похода по Карагачу.

Будучи сами гонимыми вот уже триста лет, кержаки принимали у себя и давали кров всем прочим гонимым – независимо от веры, убеждений и образа жизни. Кроме того, староверы умышленно прятались по лесам, не желали подчиняться Советской власти, участвовать в строительстве светлого будущего, тем самым подавая дурной пример местному населению, сгоняемому в колхозы, – в стране полным ходом шла коллективизация. Каратели использовали уже проверенную тактику обметного невода: заехали через горный перевал к истоку Карагача и двинулись вниз по течению, точно зная, что рыба всегда устремляется против него и попадает в кошель. А недалеко от устья, в районе Красного Залома, были выставлены засады, секреты и заслоны, чтобы отлавливать самых хитрых беглых раскольников, нороящих миновать обмет.

В горных поселениях конный отряд появился внезапно, поэтому ни убежать, ни спрятать свои драгоценности кержаки не успели. Молодые крепкие староверы были на промысле, ибо в разгаре ловчий соболиный сезон, и на становищах оставались в основном старики, женщины да ребятишки. Бойцы брали их тепленькими, выводили из домов, в первую очередь отнимали оружие – все, вплоть до старинных фузей, рогатин и ножей, – и выгоняли скот. Ценности и особенно старинные богослужебные книги реквизировали, после чего избы и хозяйственные постройки поджигали. Людей же с крупным рогатым скотом сбивали в колонну или обоз, у кого были лошади и сани, и небольшими партиями, малым ходом, по льду, гнали в сторону Усть-Карагача. И чем дальше уходили вниз по реке, тем более разрасталась эта медленно бредущая, давно готовая к концу света и самоотпетая лавина раскольников, и тем чаще полыхали за спинами потаенные скиты и деревни.

Однако от Сухого Залома молва о нашествии «анчихристов» уже летела впереди, и кержаки помоложе, дабы спасти себя и свою веру, бежали в урманы и болота, но оставшиеся старики, женщины и дети совершали деяние неслыханно греховное, непотребное – предавали книги и иконы земле, с отпеванием, как покойников, и хоронили иногда в долбленых для себя колодах. Но чаще засмаливали в бочки, наскоро копали глубокие ямы в подполах – мерзлоту было не взять – и зарывали. А если совсем недоставало времени, то снаряженные бесценным священным добром бочки попросту топили в озерах, привязав камень или мешок с песком. И даже просто зарывали в снег. Выносить из домов книги и иконы каратели не позволяли, и кто не успевал спрятать, тот страдал еще пуще, чем страдал бы от собственной смерти, ибо все это отнимали силой, пересчитывали, составляли опись и сдавали в обоз.

Однако улов был настолько малым, что каратели свирепели и сначала допрашивали стариков, где книги и ценности и куда спрятались бандиты, после чего пытали уже всех подряд. Несколько человек, в том числе женщин, избили до полусмерти, а одного немолодого кержака, вышедшего с вилами, застрелили и спустили под лед. В то время на Карагаче еще существовал старообрядческий толк молчунов – тогда еще их так называли; эти самые ярые приверженцы

древнего благочестия даже под пытками не открывали ртов, не плакали и не стонали, даже дети, и это еще больше бесило энкавэдэшников.

И все же главной добычей этой обметной ловли, где крылья невода должны были схлопнуться, оказалось мало чем примечательное для стороннего глаза место в среднем течении Карагача, называемое Зажирная Прорва. Там староверы издавна наладили литье медных складней, крестов и крестильных крестиков, разносимых потом странниками по всей Сибири. В потаенных кедрачах, в глубокой, пробитой в известняках норе-пещере стояло несколько печей, работающих на березовом угле, с искусными дымоотводами, чтоб дым рассеивался даже в морозную погоду, а вокруг, на поверхности, жили литейные мастера и горшечники, которые кроме посуды лепили и обжигали керамические формы или вытачивали их из камня. Особой художественностью и изяществом эти поделки не отличались, однако в позапрошлом веке, когда стал иссякать источник самородной меди, приносимой сюда алтайскими староверами, карагачевские умельцы стали использовать подручный материал – золото, которое мыли на только им известных россыпях, причем в значительных количествах. Этот металл кержаки по старинке называли в своем кругу жиром, поэтому и залом близ становища литейщиков стал называться Зажирным – для стороннего уха звучание этого слова никак не сочеталось с драгоценным металлом.

Первые упоминания о золоте Карагача появились еще в середине девятнадцатого века. Полицией купеческого города Томска был схвачен старовер толка непишущихся странников, при котором обнаружили восемь фунтов золотых изделий в виде литых старообрядческих крестов, нательных образков и ладанок, о чем было доложено генерал-губернатору и получено распоряжение провести самое тщательное следствие о происхождении изъятых драгоценностей. Допрос с уговорами и пытками ничего не показал, кержак хранил молчание, но при тщательном осмотре его одежды нашли письмо, писанное на тонком берестяном листке и искусно спрятанное в голенище кожаного сапога. Некий Анкудин, сын Пименов с Карагача, просил кержака Иринея Замятина отдать за него свою дочь Евдокию, которой посылал нательный золотой образок: мол, коли согласен, то пусть же Мелентий-странник на обратном пути означенную девицу и приведет ему в жены. У старообрядцев была вечная проблема с женьбой: не хватало невест и опасались греховного кровосмешения.

Так впервые золото соединилось с рекой Карагач. Следствие по этому делу длилось чуть ли не до революции – верно, Анкудин успел жениться на Евдокии, нарожать детей и умереть; и дети его повзрослели, а полиция вкупе с жандармами все еще рыскала вдоль строптивной сибирской реки с не менее строптивным, тайным ее населением, и никак не могли выйти ни на кержацкий прииск, где, по подсчетам, добывалось не менее трех пудов золота в год, ни на литейное производство. С началом Первой мировой войны дело это было отложено и, похоже, потом забыто и списано в архив, где и кануло на долгие годы, обратившись в устное предание о том, что на Карагаче когда-то мыли золото, но не промышленным, а старательским, лоточным малопродуктивным способом.

Вероятно, командиры карательного отряда НКВД об этом знали и невод свой заводили так, чтобы Зажирная Прорва с ее ювелирами и литейками оказалась в самой середине и никто не выскользнул. Однако и здесь надежды не оправдались: добычей стала какая-то мелочь в виде золотого мусора, который получается при отливках, да горсть неплавленого песка. Мастера успели все попрятать, в том числе формы и инструменты, и еще снесли до основания печи, а вход в литейку подорвали артиллерийскими снарядами – это и послужило доказательством, что кержаки принимали и прятали у себя остатки белогвардейских банд.

С жителями Зажирной Прорвы поступили как с врагами и даже в плен не взяли: всех взрослых мужчин после долгих и бесполезных допросов и пыток – требовали указать россыпи – отвели подальше, расстреляли и спустили под лед; стариков, детей и женщин повели в Усть-Карагач отдельной колонной и пешими по глубокому снегу.

И мало кто одолел эту дорогу...

Добыча карательного отряда к концу этого замета оказалась совсем уж невеликой: судя по царским еще подсчетам, на Карагаче проживало более тысячи кержаков, не считая странствующих. А привели чуть более трехсот, да и то в основном женщин, детей и стариков, с которыми возни больше, чем пользы.

Скот и лошадей обобществили и передали в местный колхоз, реквизированные книги и ценности, что не осело в карманах карателей, пошли в доход государства, а что делать с кержачками и их детьми – сразу решить не могли. Их сначала не разлучали и поселили в бараках Усть-Карагача под строгую комендатуру. Однако ночами из тайги стали являться их беглые либо бывшие на промысле мужья, отцы и братья, и каждое утро на перекличке ссыльно-поселенок недосчитывались. Похищали их настолько дерзко, внезапно и безвозвратно, что ни одной потом не нашли. Оставшиеся, конечно же, все видели и знали, но молчали и наверняка еще способствовали побегам. И вот тогда в одну ночь у староверок отняли детей, посадили на баржу и увезли в некий приют для воспитания из них советских граждан, а вскоре и женщин с оставшимися стариками переправили сначала будто бы в Мариинск и оттуда железной дорогой на строительство какого-то канала.

Но кержаки продолжали ходить ночами в Усть-Карагач и искать своих жен, сестер, дочерей и сыновей. Поселок тогда был еще волостным центром, с исполкомом, милицией, комендатурой, открыли даже три школы – две для детей и одну для неграмотных взрослых. И вот сначала начали пропадать молодые учительницы, присланные из Томска, Кемерово, Новосибирска и прочих городов Западно-Сибирского края. Будто бы ночью неизвестные бородатые мужчины неслышно забирались в учительскую избу, накидывали на несчастную девушку тулуп, заворачивали и уносили, а иногда учительниц среди бела дня хватали прямо на улице, садили в сани и увозили. Грешили на кержаков, мол, женщин у них угнали, вот они и воруют себе жен в Усть-Карагаче и уводят в свои тайные таежные берлоги. Но был слух, что молодые девчонки сбегали сами, поняв, в какую каторжную глухомань они угодили. По крайней мере, не раз высылали погоню и лишь единожды отбили учительницу: оказалось, верно, кержак унес, и когда его окружили в тайге, как зверя, он отпустил девчонку, а сам утек. Она была хоть и молодая, но рослая и полная, пудов на шесть, так этот похититель взвалил ее на горб, как мешок, и пробежал так на лыжах верст двадцать, прежде чем его настигли! Учительница потом рассказывала: руки у него, как у медведя, облапил так, что не шевельнуться было, сначала еще кричала, а как в лес утащил, что проку голосить? Ну и ехала у него на спине молча, потом даже понравилось, ибо где на Карагаче взять такого крепкого мужика, чтоб на руках носил?

А в разлив, сразу после ледохода, подожгли сразу исполком и милицию, стоящие на берегу, – свидетели видели двух бородатых на обласах, приплывших сверху. После этого пустили вооруженную пулеметом погоню из пятерых опытных милиционеров, выросших на Карагаче и хорошо его знавших. Они поднялись далее Красного Залома, почти настигли поджигателей и даже вступили с ними в перестрелку, но что произошло далее, так никто и не узнал. Через двое суток всех пятерых нашли в заломе без единой царапины, и обласа прибило целехонькими, только затопленными, и даже пулемет оказался в одном из них...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.